

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 3 (21), 2019

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2019

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 3 (21), 2019

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Malysheva Zhanna Alexandrovna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 3 (21), 2019

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Al Shayma Anbari Tamer Hassan
LINGUISTIC PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE. PREPOSITIONAL CASE OF THE RUSSIAN LANGUAGE 8

Atakhanova Sh.Z., Shomurotova Sh.Kh.
COGNITIVE TECHNOLOGIES AS THE MAIN BASIS OF TEACHING ENGLISH LANGUAGE 12

Bayakhmetova A.A., Koval O.V.
STYLISTIC MARKEDNESS OF INDECENT FORMS OF EXPRESSION 15

Isroilova B.
COMMUNICATIVE-COGNITIVE APPROACH TO TEACHING FOREIGN LANGUAGES 20

Kadirova M.
PRACTICAL ASPECTS OF TEACHING TO ENGLISH GRAMMAR AS MEANS OF FORMATION OF COMPETENT ORAL SPEECH 23

Uzakova S.Kh.
THE ROLE OF STUDYING OF ENGLISH IDIOMS IN DEVELOPING LEXICAL RESERVE OF PUPILS 26

Fedosyuk O.A.
MEMORY AS A SOURCE OF IDENTITY: MORDECAI RICHLER'S *BARNEY'S VERSION* AND VICTOR PELEVIN'S *CHAPAYEV AND VOID* 29

Literature of Peoples of the Foreign Countries

Litvinenko N.A.
"A SIMPLE SOUL" IN THE NOVEL BY FLAUBERT AND "DEVIL'S SWAMP" BY GEORGE SAND: THE PASTORAL-IDYLLIC MOTIFS 35

Utebaeva A.K.
PHRASEOLOGISMS CHANGED BY AUTHORS: (ON A BASE OF ABISH KEKILBAYEV'S COMPOSITIONS) 38

Linguistics

Valiyeva F.
FEATURES OF THE USE OF DIALECT VOCABULARY IN APHORISMS 43

Huseynova Kh.F.
THE EFFECTIVE CLASSROOM MANAGEMENT TECHNIQUES 48

Jafarova P.
NEW TENDENCIES IN RECEIVED PRONUNCIATION 51

Pilyugina N.Yu.
SEMANTIC MODIFICATION OF TEXT STRUCTURES WITH THE LINK OF "В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ" 57

Khalmuratov I.O.
THE FEATURES OF SOME TOPONYMS OF TURKIC LANGUAGE IN THE FOLK EPOS "EDIGE" 61

Latin Languages

Temnokhud A.V.

TO THE QUESTION OF THE PRAGMATIC ORIENTATION
OF THE WORD-PLAY (ON THE MATERIAL OF FRENCH LANGUAGE) 64

Fedorenko L.A.

THE USE OF ALLUSION IN THE SOCIO-POLITICAL FRENCH TALK SHOW 67

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

<i>Аль Анбаги Шайма Тамер Хасан</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО. ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ РУССКОГО ЯЗЫКА	8
<i>Атаханова Ш.З., Шомуротова Ш.Х.</i> КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	12
<i>Баяхметова А.А., Коваль О.В.</i> СТИЛИСТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ НЕПРИЛИЧНОЙ ФОРМЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	15
<i>Исроилова Б.</i> КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	20
<i>Кадирова М.</i> ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАМОТНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ	23
<i>Узакова С.Х.</i> РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО РЕЗЕРВА УЧАЩИХСЯ	26
<i>Федосюк О.А.</i> ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК ИДЕНТИЧНОСТИ: МОРДЕХАЙ РИХЛЕР «ВЕРСИЯ БАРНИ» И ВИКТОР ПЕЛЕВИН «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»	29

Литература народов стран зарубежья

<i>Литвиненко Н.А.</i> «ПРОСТАЯ ДУША» В ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ ФЛОБЕРА И «ЧЁРТОВО БОЛОТО» ЖОРЖ САНД: ПАСТОРАЛЬНО-ИДИЛЛИЧЕСКИЕ МОТИВЫ	35
<i>Утелбаева А.К.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ИЗМЕНЁННЫЕ АВТОРАМИ: (НА ОСНОВЕ КОМПОЗИЦИЙ АБИША КЕКИЛБАЕВА)	38

Языкознание

<i>Валиева Ф.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В АФОРИЗМАХ	43
<i>Гусейнова Х.Ф.</i> ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ КЛАССОМ	48
<i>Джафарова П.</i> НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЩЕПРИНЯТОЙ ФОРМЕ ПРОИЗНОШЕНИЯ	51
<i>Пилюгина Н.Ю.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУР СО СКРЕПОЙ В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ	57
<i>Халмуратов И.О.</i> ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА В НАРОДНОМ ЭПОСЕ «ЕДИГЕ»	61

Романские языки

Темнохуд А.В.
К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ИГРЫ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА) 64

Федоренко Л.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛЛЮЗИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФРАНЦУЗСКИХ ТОК-ШОУ 67

УДК 80

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО. ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аль Анбаги Шайма Тамер Хасан, кандидат филологических наук,
доцент кафедры перевода
Университет Тикрита, Ирак

Аннотация. В статье обсуждаются лингвистические проблемы преподавания русского языка как иностранного. Автор рассматривает трудности, с которыми сталкиваются студенты при изучении русского языка как иностранного, важнейшей из которых является сложность понимания, например, предложного падежа.

Ключевые слова: русский язык; падежи; трудности.

Практическое овладение русским языком иностранцами оказывается весьма нелёгким делом в основном из-за наличия в нем падежной системы. Усвоение многозначности падежей, многообразия флексий, самого принципа формоизменения имен существительных, местоимений, прилагательных, числительных не способствует такому быстрому, как хотелось бы, становлению речевых навыков и умений на русском языке. Падежная система по разным причинам оказывается трудной для большинства иностранцев, независимо от того, существует или нет в их языке данное грамматическое явление. Поэтому проблема выработки умений и навыков употребления падежей в речи является одной из основных и наиболее сложных проблем методики преподавания русского языка как иностранного.

Целью данного исследования является указание на основные трудности, с которыми встречаются иностранцы при изучении падежей, а также анализ некоторых принципов и методических приемов, способствующих осознанному овладению падежной системой, определение путей активизации грамматических навыков, закрепления падежных форм в речи в соответствии с потребностями общения.

Практика преподавания русского языка как иностранного во взрослой аудитории знает множество подходов к проблеме отбора значений падежей и последовательности их изучения. Так, в одних учебниках и пособиях по практической грамматике знакомство с косвенными падежами начинается с винительного падежа (прямого объекта) [1, с. 30], в других – с предложного (места), в некоторых пособиях родительный падеж предшествует дательному и т.д. Авторы одних пособий придерживаются принципа «горизонтальной» подачи падежа, т.е. дают несколько значений сначала одного падежа, закрепляя его на материале разных частей речи, затем вводят следующий падеж и т.д. Другие авторы предпочитают концентрический способ подачи, т.е. сначала представляют наиболее существенные для речевой практики значения всех падежей на материале имен существительных в единственном числе и личных местоимений, затем – на материале существительных во множественном числе, заканчивая изучение падежной системы введением прилагательных и местоимений, имеющих такую же систему словоизменения, как и прилагательные. Каждый из этих подходов в конечном

результате отражает падежную систему русских имен существительных в объеме преподавания русского языка как иностранного.

Существует несколько работ, которые вносят ясность в эту проблему. Особый интерес представляет работа О.М. Аркадьевой [2, с. 123]. В результате исследования автор предлагает научно обоснованную последовательность подачи падежей на начальном этапе и возможные варианты, положив таким образом конец разноречивым мнениям по этому поводу. Исследования О.М. Аркадьевой обосновывают методическую целесообразность концентрической подачи падежей, в основе которой лежит следующее положение: имя существительное — самая распространённая часть речи в русском языке, в лексическом минимуме начального этапа имена существительные составляют около 50 % словарных единиц, поэтому удовлетворение потребностей речевого общения даже при ограниченном владении языком диктует использование форм имен существительных во многих значениях. Истинно речевое общение требует средств выражения самых разнообразных отношений: объектных, временных, пространственных, целевых, причинных и т. д. Кроме того, оказывается практически невозможным создание стилистически полноценного текста, если в нем не представлены разнотипные структуры.

Активизация всего лексико-грамматического материала, в том числе наиболее его существенной части — падежной системы, проходит в пределах указанной ниже тематики:

1. Знакомство.
2. Семья.
3. Мои друзья.
4. Мой дом.
5. Мой день.
6. В ресторане.
7. В магазине.
8. Транспорт.
9. В театре, в кино, на концерте, на стадионе.
10. Здоровье.
11. Погода.
12. Город, где живёт учащийся.
13. Родной город учащегося.
14. Страна изучаемого языка.
15. Родная страна учащегося.

Подход к ознакомлению с падежной системой русского языка на практике реализуется так: падежная система подаётся небольшими частями, осознанно усвоенная часть материала тренируется и вводится в речь, на каком-то этапе производится обобщение микросистем, представляющих собой законченный цикл-концентр [3, с. 90].

Рассмотрим особенности падежной системы русского языка на конкретных примерах.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА

Предложный падеж локального значения.

Хотя по частотности предложный падеж уступает винительному, он позволяет строить элементарные предложения на лексике, вводимой на начальном этапе обучения. Предложный падеж наиболее прост по своему оформлению и именно поэтому предложный падеж вводится одним из первых. Учащиеся должны запомнить нормы употребления только двух окончаний — *-е* и *-и*.

При овладении структурой, третий член которой обозначает местоположение лица, предмета в пространстве или место действия и выражается именем существительным в предложном падеже с предлогами *в*, *на* (*Я живу в Москве*, *Книга лежит на столе*, *Он учится в университете* и др.), учащиеся затрудняются в выборе предлога (*в* или *на*). После введения структуры с винительным падежом локального значения (*Я приехал в Москву*, *Он идёт на стадион*) появляется третья трудность — смешение этих структур, которое порождает в речи

учащихся ошибки типа *Я приехал на стадионе, * Он идёт в магазине. В целях предупреждения таких ошибок знакомство с этими двумя структурами должно быть отделено во времени, т.е. вводить вторую структуру целесообразнее после того, как в пользовании первой будет достигнут достаточно высокий автоматизм [4, с. 67].

К моменту предъявления структуры с предложным падежом локального значения учащиеся должны иметь в активном лексическом запасе глагольную лексику, наполняющую эту структуру и покрывающую речевые потребности данного этапа обучения: *жить, работать, учиться, быть, стоять, лежать, находиться* и др., а также достаточное количество существительных, которые могли бы наполнить третий член структуры: *университет, магазин, театр, урок, парк, стадион, музей* и др.; *комната, улица, аптека, почта, выставка, аудитория, экскурсия, площадь* и др.; *кино, метро* и др.

Трудности в усвоении структуры с предлогами *в* и *на* заключаются в том, что учащиеся с трудом их различают и смешивают при употреблении в речи. Чтобы добиться различения предлогов *в* и *на*, целесообразно строить работу на сопоставлении примеров, в которых предлогом *в* обозначается положение предмета внутри какого-либо пространства, а предлогом *на* — положение предмета на поверхности пространства:

*в портфеле — на портфеле,
в столе — на столе;
в шкафу — на шкафу.*

Семантизация различия предлогов *в* и *на* легко осуществляется средствами зрительной наглядности или демонстрацией возможных комбинаций с предметами, имеющимися в учебной обстановке. Обычно с этой целью используют простые схематические рисунки [5, с. 119].

Ошибки в речи учащихся возникают там, где по логике должен быть предлог *в*, указывающий на положение лица, предмета внутри пространства, но где неожиданно для лингвистического сознания учащихся употребляется предлог *на* с тем же самым значением, что и *в*:

*в театре — на концерте, на балете, на спектакле,
в институте — на факультете, на первом курсе;
в магазине — на заводе, на фабрике.*

В этих случаях словосочетания с предлогом *на* надо запоминать подобно устойчивым речевым оборотам фразеологического характера, для чего при их предъявлении необходимо делать соответствующие пометы:

*стадион (на) факультет (на)
юг (на) Кавказ (на)
родина (на) Украина (на)*

Некоторые существительные мужского рода употребляются с ударными окончаниями - у (-ю): *в шкафу, в лесу, в саду.*

После того как раздробленный на несколько частей и первично закреплённый лингвистический материал учащимися осознан, следует подготовить такую систему упражнений, которая могла бы обеспечить конечный уровень владения структурой, необходимый для реализации речевого общения. Какие же задачи речевого общения может обеспечить свободное владение данной структурой? Обучаемые, пользуясь этой структурой, могут спросить собеседника о том, где что находится в пределах данного учебного заведения, в городе, где он живёт, могут запрашивать и давать информацию о том, где он учится или работает, где живёт его собеседник, в каких местах города, страны изучаемого языка он был и т. д.

Таким образом, в методике преподавания русского языка как иностранного придаётся особое значение осмысленному пониманию функции падежа, что достигается путем осознания грамматического материала учащимися через сопоставление с родным языком или языком-посредником, которым они владеют.

В процессе изучения нового материала наиболее важным является момент предъявления грамматического материала, от правильной организации которого зависит правильность

речи учащихся и их способность конструировать самостоятельные высказывания в изменяющихся речевых ситуациях.

Постепенное накопление и осмысление грамматических явлений дадут в конце концов учащимся общее представление о структуре русского языка в сравнении со структурой родного. Успешное овладение новым языком предполагает осознание его системности. Чем меньше систематизирован для сознания учащихся второй язык, тем сильнее интерференция, тем меньше возможностей у обучаемого к самостоятельному доучиванию языка.

В процессе обучения необходимы особые уроки, на которых происходит систематизация грамматических знаний в виде законченных микросистем. Так, при завершении изучения падежной системы на материале имен существительных в единственном числе учащимся необходимо дать таблицы, обобщающие все пройденные значения падежей и их формы. При завершении изучения падежной системы на материале имен существительных во множественном числе учащимся должна быть дана таблица форм существительных во множественном числе. Когда закончено изучение склонения притяжательных, указательных местоимений, прилагательных, учащиеся должны видеть и знать их парадигму в целостном виде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова, В.Е. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). – 2-е изд., испр. – М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, М.В. Сафронова и др. – СПб.: Златоуст, 2003. – 344 с.
2. Аркадьева, О.М. Употребление падежей в речи / О.М. Аркадьева. – М.: Просвещение, 1975. – 268 с.
3. Булгакова, Л.Н. Мои друзья падежи. Рабочая тетрадь. – 2-е изд. / Л.Н. Булгакова. – М.: Рус. яз. Курсы, 2011. – 240 с.
4. Дорофеева, Т.М. Учебная грамматика русского языка. 53 модели. Базовый курс / Т.М. Дорофеева, М.Н. Лебедева. – М.: Рус. яз. Курсы, 2003. – 280 с.
5. Ермаченкова, В.С. Повторяем падежи и предлоги: коррективный курс для изучающих русский язык как второй. – 2-е изд. / В.С. Ермаченкова. – СПб.: Златоуст, 2012. – 172 с.

Материал поступил в редакцию 10.04.19

LINGUISTIC PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE. PREPOSITIONAL CASE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Al Shayma Anbari Tamer Hassan, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Translation Department
Tikrit University, Iraq

Abstract. *The article discusses the linguistic problems of teaching Russian as foreign language. The author is embarrassing the difficulty that students face when learning Russian as foreign, the most important of which is the difficulty of understanding the case of the Russian language.*

Keywords: *Russian language, cases, difficulties.*

UDC 80

COGNITIVE TECHNOLOGIES AS THE MAIN BASIS OF TEACHING ENGLISH LANGUAGE

Sh.Z. Atakhanova¹, Sh.Kh. Shomurotova²

¹ Master's Degree Student, ² Senior Lecturer

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

Abstract. *The article is devoted to substantiation of the cognitive-communicative approach to training to foreign language of students of non-language faculties. The conditions promoting optimization of cognitive activity of students and increasing of efficiency of communications in the process of mastering by professionally focused discourse are described. Results of skilled training with application of the developed methodical system on the basis of design activity are resulted in this article.*

Keywords: *cognitive-communicative approach, methodical system, cognitive technologies, linguistic competence, educational conditions.*

In modern conditions within the limits of the global innovative processes occurring in all spheres of life of society, question on increasing of learning efficiency to foreign languages is actual. First of all, it is a question of high level of requirements shown to level of mastery of language of professional communications in various spheres of activity as one of indispensable conditions of competitiveness of the future expert on labor market. Thereupon doubtless interest is caused by new educational technologists and innovations that intensifications of process of training appreciably promote to foreign languages in general and to languages of professional communications in particular. Such progressive techniques by right are considered as cognitive technologies, which, according to T.V. Chernigovskay, become a basis of formation of XXI century.

The new program of educational institutions on foreign languages has defined the main aim of training to foreign languages in secondary school as development of personality of pupil, which is capable to act in a role of the subject in intercultural communications in studied language. In other words, teacher urged to generate at pupils ability to participate in the direct and mediated dialogue of cultures. It is possible subject to strong mastering by pupils of another language means, the important place among which belongs to grammar.

Linguistic competence – is possession of system of data on language; strategic – ability to compensate in certain conditions, lack of linguistic knowledge, social cultural – ability to apply a dialogue rule according to national-cultural tradition; discursive – understanding of various types of discursive and rules of their construction, ability to apply their various situations; social – desire and possibility to enter communicative relations.

Cognitive approach to language research recognizes that considerable role in formation of language values belongs to the person as to the carrier of certain experience and knowledge. The essence of cognitive approach consists that training process is directed on the decision of such problems, as perception (knowledge), acquisition, processing, structurization, storage, using, imagination, logic thinking. Cognitive aspect should be included in communicative and is subordinated to it. Exercises should include questions and tasks for development of memory, attention, logic, thinking, task of problem and creative character, stirring up intellectual and emotional activity of pupils.

Cognitive-communicative approach to training to foreign language probably can be considered as a combination of cognitive approach from its communication component that is necessary, first of all, reference to consideration of historical formation of the maintenance of cognitive approach in pedagogical key. [Yusupova, 2010]

Cognitive technologies appeared owing to genesis and crisis of audio dominating earlier during twenty years of audio-lingual approach which was based on behaviorism, considering, that the human behavior is reduced to a chain of stimulus-reactions. B. Skinner, who developed system of principles of behavior of person in strictly certain conditions, was the founder of the given approach. According to B. Skinner on process of training to another language first of all, the world surrounding pupil, influences instead of the genetic factor. Audio-lingual method equated process of mastering by language to process of formation of skills in the result of the fixed reactions subject to their positive reinforcement. In the base of training were language samples, which were exposed to mechanical training by means of system-transformed exercises that provided storing and over storing of language material [Zimnyaya, 1999].

As it is proved by scientific researches, for maintenance of communications of pupil in native language empathy plays the main role, understood in a modern science as empathy. It is established, that pupils with high level of empathy not necessarily achieve the biggest successes in mastering of foreign language, and on the contrary. The most universal, reflecting specificity of foreign language, as subject, in a modern science – as in abroad, and in Uzbekistan, communicative approach, which considers training to a foreign language as training of communicative activity is characterized by research of informative activity of subjects of training, and also problems of formation of system knowledge of pupils.

However, today communicative direction in training to foreign languages differs by growing attention to the personality of pupil. Process of mastering by foreign language, enriched by data cognitive psychology and cognitive approach, transforms training to a foreign language into the realized educational process in which at any stage of work mental abilities of pupils should be involved.

Cognitive aspect should be included in communicative and is subordinated to it, but at the same time should be shown where bases is for this purpose: where it is necessary to find any analogies facilitating mastering, or, on the contrary, to reveal distinctions, to avoid likening.

Thus, the cognitive-communicative approach to training theoretically proves communicative technique to training to foreign languages, that is, using the given approach it is possible to solve methodical questions connected with selection, organization, sequence of studying of language and speech material and ways of its presentation and training, thus it is necessary to consider communicative requirement of pupils and educational conditions. We will notice also, that at using of cognitive-communicative approach there is a maintenance of conscious mastering of language, regional geographic and cultural-aesthetic knowledge be means of it there is development and satisfaction of informative interests and inquiries of forming personality of the pupil who studies foreign language at its minimum necessary level.

REFERENCES

1. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования / И.А. Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос». 2006. 5 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> (Дата обращения: 20.03.2017).
2. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / 3 изд., перераб. и доп. / В.А. Маслова – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
3. Leontiyev, M.R. On the study of foreign languages in educational institutions / M.R. Leontiyev // Foreign languages at school. – 2001. – No. 2. – P. 4–5.
4. Zimnyaya, I.A. Pedagogical psychology. Textbook for high schools. Edition / I.A. Zimnyaya. – M: Publishing corporation "Logos", 2000. – 272 p.

Материал поступил в редакцию 01.05.19

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ш.З. Атаханова¹, Ш.Х. Шомуротова²

¹ магистрант, ² старший преподаватель

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Узбекистан

***Аннотация.** Статья посвящена обоснованию когнитивно-коммуникативного подхода к обучению иностранному языку студентов неязыковых факультетов. Описаны условия, способствующие оптимизации познавательной деятельности студентов и повышению эффективности коммуникаций в процессе овладения профессионально-ориентированным курсом. В данной статье приведены результаты квалифицированного обучения с применением разработанной методической системы на основе проектной деятельности.*

***Ключевые слова:** когнитивно-коммуникативный подход, методическая система, когнитивные технологии, лингвистическая компетентность, условия обучения.*

УДК 613(574)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ НЕПРИЛИЧНОЙ ФОРМЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

А.А. Баяхметова¹, О.В. Коваль²

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры практической лингвистики

² магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы

¹ Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова,

² Костанайский государственный педагогический университет имени У. Султангазина,
Казахстан

***Аннотация.** Язык находится в состоянии непрерывного развития, одной из закономерностей является пополнение лексики новыми словами, в том числе производными «неприличной формы», выполняет множество функций, в число которых входит оценочная, регулятивная. Современный русский язык – один из самых богатых языков мира, высокоразвитый национальный язык с давними письменными традициями и с разветвлённой системой средств выражения. Он не только обслуживает все сферы национальной жизни народа, но и служит языком межнационального общения. Современный русский литературный язык представляет собой высшую форму общенационального русского языка. Вопросам приличной и неприличной формы слов русского языка придаётся большое внимание. Объектом настоящей статьи является ненормативная лексика. Актуальность данной статьи заключается в изучении стилистической маркированности неприличной формы высказывания. Цель статьи – ознакомление с понятием «неприличная форма», изучение стилистической принадлежности неприличной формы высказывания. Новизна статьи объясняется выбором предмета исследования – стилистическая маркированность неприличной формы высказывания, которая входит в группу перспективных направлений в области современного языкознания. Данная статья даёт возможность выявления продуктивности использования неприличных форм высказывания в различных стилях. Анализ стилистической маркированности неприличной формы высказывания представляет собой значительный интерес как в теоретическом, так и в практическом планах.*

***Ключевые слова:** ненормативная лексика, стилистическая маркированность, этикет, нормативность, инвективная лексика, матизмы.*

Основной функцией языка является коммуникативная функция или функция общения. Известно, что этикет – это важная часть общечеловеческой культуры, нравственности. Грубым нарушением этикетных норм, в том числе и в условиях межличностного общения, является использование неприличных единиц языка.

Для современного русского литературного языка существенно прежде всего распределение языковых средств по трём основным сферам его применения. Это разговорная речь, художественная речь и речь, включающая такие функционально-речевые стили, как официально-деловой, научный, публицистический во всём разнообразии проявляющихся в них жанров. «Выделяются следующие функциональные стили: разговорный, научный, официально-деловой, публицистический, каждый из них характеризуется ведущими стилевыми чертами, которые проявляются как в содержании, так и в отборе языковых средств. Выделяют также и стиль художественной литературы (художественный)», – отмечает Н.А. Ипполитова [3, с. 80].

Известно, что употребление слов неприличной формы в научном, официально-

деловом стилях – непродуктивное явление. Эмоциональная функция языка очень важна для человека, так как она помогает ему выразить свои чувства, внутренний мир, свои ощущения, впечатления и т. п. Наиболее широкое употребление неприличных слов наблюдается в разговорной речи, чаще в речи эмоционально окрашенной. Эмоционально-экспрессивные единицы языка передают эмоциональное состояние говорящего, его отношение к предмету речи. Кроме этого, характеризуют говорящего с языковой точки зрения.

Неприличная форма высказывания – это ненормативная лексика, которая по разным причинам внедряется в речь всех слоёв населения, некоторые из них понимают, что это неприлично и непристойно, другие считают это нормой. Неприличная форма – это наличие высказываний в адрес человека, содержащих оскорбительную лексику и фразеологию. Читаем в словаре значение слова *неприличный*. «*Неприличный, -ая, -ое, -чен, -чна. Противоречащий правилам приличия. Неприличное выражение. Неприлично (нареч.) вести себя. Показываться в таком костюме неприлично (в знач. сказ.)*» [5, с. 411]. Неприличная форма – это форма оскорбительная, т.е. содержит оскорбительные слова и выражения. Ненормативная лексика и фразеология находятся за пределами норм современного русского языка. Часть слов ненормативной лексики относится к разряду экспрессивного просторечия, выходящая за пределы литературного языка. Подобные слова направлены для выражения низкого, насмешливого, грубо-фамильярного, бранного и вульгарного. Как правило, их сниженный характер отмечается в словарях соответствующими пометами, например: «*неодобрительное*», «*презрительное*», «*уничижительное*», «*насмешливое*», «*грубое*», «*бранное*», «*обсценная*», (*разговорная, сниженная*) и др.

Нормативность и ненормативность, допустимость и недопустимость в публичном употреблении тех или иных единиц языка не постоянные. Одна и та же единица может в одном контексте расцениваться как ненормативная, а в другом контексте может оказаться нормативной. Безусловно, важен контекст употребления ненормативной единицы.

Нормативный пласт современного русского языка образуют литературная и разговорная лексика. Разговорная лексика уместна в устной речи, но неуместна в письменной, например: *навернуться, лобзает, тупица, набедокурить, пожурит, отделаться, давать стрекача, бестолочь* и т.д. Единицы языка, употребляемые в соответствии с нормами литературной и разговорной речи, воспринимаются как приличные. Просторечные слова характерны для разговорной речи, они не выходят за пределы нормы литературного словоупотребления. Многие писатели для придания колорита речи героев используют просторечные, жаргонные слова. Лексика произведений В.М. Шукшина состоит из большого количества подобных слов.

- *Сходи возьми бутылку.*
- *Пошёл к черту! Он теперь дружок тебе.*
- *Сходи, прошу...*
- *Тебя просили, ты послушал? Не проси теперь и других. **Идиот.***
- ***Заткнись. Туда же...***
- ***Туда же! Туда же, куда все добрые люди! Неужели туда же, куда ты, **харя необразованная?** Просили, всем миром просили – нет! Вылупил шары-то свои...***
- ***Замолчи! А то опояшу разок...***
- ***Опояшь! Тронь только, **харя твоя бесстыжая !.. Только тронь!**** Шукшин В.М. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1992. 560 с.*

Неприличная форма высказывания выходит за пределы литературного языка, несёт в себе этические и эстетические ограничения. «Несомненно, вопрос о стилистических характеристиках слова не мог остаться без внимания лингвистов, описывающих эмоциональную лексику, поскольку совершенно очевидно, что слова, обладающие ярко выраженными эмоциональными характеристиками, чаще всего оказываются принадлежащими к вполне определённым функциональным стилям языка – обычно это слова разговорные, поэтические, бранные и т. п.» – пишет Е. Ю. Мягкова [4, с. 19]. В художественной речи производные

ненормативной лексики выполняют информативную функцию. «Художественный текст, как и любое другое произведение искусства, имеет абсолютный антропоцентрический характер, так как именно человек с его богатым внутренним миром представляет центр литературного произведения, в связи с чем основной признак художественных текстов в семиологическом освещении состоит в том, что они содержат в себе сложный мир чувств, захватывают читателя ощущением прекрасного и возвышенного», – отмечает Л. Г. Бабенко [1, с. 102].

Художественное произведение – это эмоциональное постижение окружающего мира и образное представление с целью воздействия на наши чувства. Использование в речи неприличных слов позволяет образовывать словообразовательные варианты, которые получают определённую функционально-стилевую закреплённость. Н.А. Ипполитова справедливо отмечает: «Стилистически окрашенные (эмоционально-экспрессивные и функциональные) средства – основной фонд стилистических средств языка. Стилистическая окраска языковой единицы – это те дополнительные к выражению основного лексического и грамматического значения функциональные и экспрессивные свойства, которые несут стилистическую информацию о возможности употребления этой единицы в определённой сфере и ситуации общения» [3, с. 87]. Русский язык отличается гибкостью, богатством словообразовательных ресурсов, обладающих яркой стилистической окраской. Одни производные воспринимаются как литературные (*дурачок*, и т. д.), другие – как разговорные (*дурачок*, *выродок*, *тупоумец*, *мерзавец* и т. д.) «Всё многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредотачивается и объединяется в его стилистической характеристике», – пишет В.В. Виноградов [2, с. 26]. Д.Н. Шмелёв считает, и мы разделяем эту точку зрения, что: «...существует целый ряд слов стилистически окрашенных, обладающих определённой стилистической значимостью» [6, с. 151].

Художественный стиль речи предполагает поиск разнообразных средств выразительности и изобразительности. Это ведёт к созданию разных стилистических контекстов, необходимых для передачи той или иной мысли автора.

Разговорная лексика выступает как функциональная категория, представляя ядро разговорного стиля языка. Разговорная лексика обслуживает непринуждённое общение, характеризуется своей активностью и противопоставленностью книжному стилю, например: *дедод*, *милок*, *мерзавец*, *поганец* и др.

Стилистический компонент коннотации проявляется как в сфере фиксации, так и в сфере употребления. К сниженной лексике относятся разговорные слова: *дурачок*, *выродок*, *ублюдок*, *подлец*, *стервец*. На грани литературного употребления или за его пределами стоят просторечные слова: *тупоумок*, *полудурок*, *мерзавец*. Отмеченные компоненты коннотации по-разному входят в лексическое значение рассматриваемых слов. Чаще всего выступает один компонент, но иногда сочетаются все четыре компонента коннотации – экспрессивный, оценочный, эмоциональный и стилистический, например: *мерзавец*, (о человеке) – экспрессивное, оценочное (отрицательная оценочность); эмоциональное, стилистически маркированное (разг.); *поганец* (о человеке) – экспрессивное, оценочное (отрицательная оценочность); эмоциональное, стилистически маркированное (разг.).

Особого внимания требует изучение использования неприличной формы выражения в публицистическом стиле.

Читаем у И.А. Стернина:

1. Публицистический дискурс стал менее стандартизованным по форме и содержанию и более персонифицированным.
2. Расширилась публицистическая проблема.
3. Произошла коллоквиализация языка публицистики – он стал более разговорным как в устной, так и в письменной форме.
4. Стиль публицистического дискурса стал более ироничным, эмоциональным.
5. Возросло количество оригинальных заголовков, ориентированных на установление контакта с читателем.

М.В. Панов считает, что стилистическая направленность газетно-публицистических изданий конца 80-х годов XX века можно оценивать, как разностилевую. Некоторые придерживались строгого стиля, который характеризовался точностью, строгим отбором слов стилистической окраски, полной определённости терминологии. К ним относились, например, газеты «Правда», «Красная звезда». Другие же могли прибегнуть к использованию слов эмоциональной остроты, многокрасочности, таким образом, культивировали стиль «языковой раскованности» (по М.В. Панову). К ним относились газеты «Известия», «Советская Россия», «Московский комсомолец». Третьи использовали «сухой язык», присутствовала в стилистике однолинейность. Если мы внимательно прочтём газеты десятилетней давности, нам сразу бросится в глаза непривычный стиль этих газет: всё серьёзно, сдержанно, строго с чувством ответственности, точно, ясно – но чего-то будет не хватать. Мы почувствуем, что это не сегодняшняя газета. Будет не хватать стилистических красок. К примеру, в конце 80-х годов для газетной публицистики был характерен нейтральный стиль, но слегка окрашенный некой разговорностью. М.Н. Кожина считает, что интерес к функционированию эмоционально-окрашенных высказываний в текстах массовой информации обусловлен тем, что всё-таки ведущая функция в данной сфере тесно связана с использованием оценочности, имеет место функция воздействующая – информационная, с акцентом на аспекте воздействия. Безусловно, повышенная оценочность газетно-публицистических текстов приводит к речевому конфликту.

Со временем в публицистическом дискурсе произошли изменения. Можно говорить о том, что стали использоваться фразеологические единицы сниженного просторечного, сленгового и жаргонного характера. Например:

«Другие инвесторы готовы удовлетворить аппетиты капризных европейцев, якобы ценящих бизонью вырезку за особые деликатесные свойства» («Казахстанская правда. 27.03.2017»). *«Для подношений в кабинете отведено специальное место – подарочный подиум. Бутылка виски занимает в нём «нагретое место»* («Казахстанская правда. 27.03.2017»). *«В сфере услуг ситуация такова, что бизнес «расслабился» местами до неприличия»* («Казахстанская правда. 27.03.2017»).

Таким образом, современный русский литературный язык представляет собой высшую форму общенационального русского языка. По сравнению с местными диалектами, просторечием, жаргонами, ненормативной лексикой, литературный язык характеризуется обработанностью своих средств, обязательными для его носителей исторически сложившимися нормами, большой функциональной и стилиевой разветвлённостью. Неприличная форма высказывания охватывает почти все сферы жизни, сосредоточена на человеке – сферах его жизни, отношениях с другими людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Уральского ГУ, 1989. – 182 с.
2. Виноградов, В.В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1952. – С. 99–152.
3. Ипполитова, Н.А. Русский язык и культура речи в вопросах и ответах: учебник для вузов / Н.А. Ипполитова. – М.: Проспект, 2006. – 344 с.
4. Мягкова, Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования / Е.Ю. Мягкова. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – 106 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Около 53000 слов. Изд. 7-е, стереотип. / С.И. Ожегов. – М., «Сов.Энциклопедия», 1968. – 900 с.
6. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 334 с.

Материал поступил в редакцию 26.04.19

STYLISTIC MARKEDNESS OF INDECENT FORMS OF EXPRESSION

A.A. Bayakhmetova¹, O.V. Koval²

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Department of Practical Linguistics,

² Master of Humanities, Senior Lecturer
of the Department of Russian Language and Literature

¹ Kostanay State University named after A. Baitursynov,

² Kostanay Pedagogical University named after U. Sultangazin, Kazakhstan

Abstract. *The language is in a state of continuous development, one of the regularities is the replenishment of vocabulary with new words, including derivatives of "indecent form", performs many functions, which include evaluation, regulatory. The modern Russian language is one of the richest languages in the world, a highly developed national language with long written traditions and an extensive system of means of expression. It not only serves all spheres of national life of the people, but also serves as the language of international communication. The modern Russian literary language is the highest form of the national Russian language. Questions of decent and indecent form of words of the Russian language is given much attention. The purpose of the article is to get acquainted with the concept of "indecent form", the study of stylistic affiliation of indecent form of expression. The novelty of the article is explained by the choice of the subject of research – stylistic marking of indecent form of expression, which is included in the group of promising areas in the field of modern linguistics. This article makes it possible to identify the productivity of the use of indecent forms of expression in different styles. The analysis of stylistic marking of the indecent form of expression is of considerable interest both in theoretical and practical terms.*

Keywords: *profanity, stylistic marking, etiquette, normativity, invective vocabulary, matizms.*

UDC 80

COMMUNICATIVE-COGNITIVE APPROACH TO TEACHING FOREIGN LANGUAGES

B. Isroilova, Master's Degree Student
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

Abstract. *Occurrence of communicative method of training to a foreign language into modern technique it is determined by modern sights Pragmatic society on language as about communications. Necessity of immediate practical application of the received knowledge became motive power of occurrence and development of the given direction.*

Keywords: *communicative method, selection and teaching material representation, grammar, system of language, communicative competence, consciousness principle, intercultural dialogue.*

Studying of the theory of communicative method led us to a conclusion, that it is better promotes formation of another language communicative competence of pupils at the expense of a communicative orientation of tasks and Creations at a lesson of the situation approached to real dialogue. However, the main lack of method is weak mastering by pupils. Grammar as to it only office role is taken away.

The linguistic concept of a method is based on ideas of communicative linguistics:

1. Unit of communications and, accordingly, training are speech acts, that is speech actions which are regulated by rules of speech behavior. These actions are made in a certain speech situation and have the addressee. According to the purposes of training the great value has allocation of different types of speech certificates (informative, incentive, etiquettes etc.) and selection of units of language for realization of the allocated speech acts. The speech acts united in units of higher level, form a discourse (coherent text);

2. Speech intention of speaker is criterion of selection of speech actions. Ability of the pupil to realize various speech intention is the important feature of communicative technique and reflects the functional approach to selection and teaching material representation;

3. Mastering by language as dialogue means assumes formation at pupils of the communicative competence meaning not only knowledge of system of language, but also ability correctly to use units of language with a view of dialogue. As units of the communicative competence spheres of communicative activity, theme and dialogue situation, social roles of participants of dialogue and communications tactics are considered. As well as various structural components of the communicative competence are allocated: linguistic, social cultural, discourse, speech, pragmatism, social linguistically subcompetence [Solontsova 2009:20]. For psychological substantiation of communicative method was used personally active approach to the training working out by I.A. Zimnyaya (1999). Bases of this approach were included in works of L.S. Vigotskiy, S.L. Rubinshteyn, A.N. Leontyeva where the person is considered as the subject who is formed in activity and in dialogue with other people [Solontsova 2009:23]. Thus, in the course of mastering by foreign language within the limits of communicative method pupils join to target culture that can be final aim of training: formation of the person, capable to participate in dialogue at intercultural level (in situations of intercultural dialogue).

The communicative method is based on following methodical principles:

1. Speech orientation of training. It means, that speech activity is not only a tutorial, but also purpose of training;

2. The account of individually-psychological features of pupil: a memory kind; level of phonemic hearing; ability to study that is to carry out those or other kinds of activity; interests; outlook; position in collective of pupils, mental abilities;

3. Speech cogitative activity as a constant involvement of pupils into dialogue process into the direct (verbal) form or the mediated (cogitative) form;

4. The functional approach to selection and teaching material representation at all levels: lexical, grammatical, situational, and thematic;

5. Situations of training process is considered as a way of speech stimulation and as a condition of development of speech abilities;

6. Problematical character as a way of the organization and teaching material representation. According to this principle teaching material should be of interest for pupils, correspond to their age and form the basis for the decision of speech cogitative problems by involving of pupils in discussion of the maintenance of texts and dialogue problems [Solontsova 2009:24]. According to L.P. Solontsova, communicative method refers to combined methods of training.

In this connection we see two main problems, and they and prospects of development of communicative method. The first problem consists that by modeling of situations of real dialogue on foreign language in frameworks of auditory lesson is not yet enough mastering by speech samples for formation of the communicative competence of pupils.

As the reason for that that fact serves, that language is not a set of the abstract symbols having certain value. Mastering by language for the purpose of dialogue does not mean mastering by certain theories and samples. Mastering by language is something much more... as any language is a product of thought processes of people speaking on it. For this reason language as for a long time it has been noticed, it is not a static set grammatical and lexical units, it is real live organism, which constantly develops.

For this reason for modern methodologists and linguists «consciousness principle» is not comprehension actually theories, and thinking comprehension. The second problem is connected with what role is taken away by a communicative method to grammar. The matter is that grammar is not simple set corrected, which should be known and observed at dialogue in language.

So, we familiarized with essence of communicative method of training to a foreign language and found out, that its main feature is attempt to approach training process to situation of real dialogue with the purpose of the most effective mastering by pupils of the communicative competence. However, in our opinion, the method has essential lacks and requires integration with workings out modern cognitive linguists.

REFERENCES

1. Grigorenko, S.E. Substantive provisions and criteria communicatively-cognitive training to a foreign language / S.E. Grigorenko, I.V. Sagalayev // Pedagogical education in Russia. – 2014. – No. 2. – P. 261–265.

2. Demyankov, V.Z. Cognitive linguistics as a version of the interpreting approach / V.Z. Demyankov // Linguistics Questions. – 1994. – No. 4. – 19 p.

3. Drujinin, A.S. Sign essence of grammatical design / A.S. Drujinin // MOSCOW-UNIVERSITY Bulletin. – 2012. – No. 5 (26). – P. 210–214.

4. Solontsova, L.P. History of methods of training to foreign languages: Studies. The grant for students of language specialities of pedagogical high schools and teachers of foreign languages of the average and higher educational Establishments of various type / L.P. Solontsova. – Pavlodar: 2009. – 89 p.

Материал поступил в редакцию 01.05.19

КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Б. Исроилова, магистрант

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Узбекистан

***Аннотация.** Появление коммуникативного метода обучения иностранному языку в современной технике определяется современными взглядами прагматического общества на язык как на коммуникацию. Необходимость немедленного практического применения полученных знаний становится движущей силой возникновения и развития данного направления.*

***Ключевые слова:** коммуникативный метод, подбор и представление учебного материала, грамматика, система языка, коммуникативная компетенция, принцип сознания, межкультурный диалог.*

UDC 80

PRACTICAL ASPECTS OF TEACHING TO ENGLISH GRAMMAR AS MEANS OF FORMATION OF COMPETENT ORAL SPEECH

M. Kadirova, Master's Degree Student
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

***Abstract.** In the given article, essential characteristics of interactive training are considered. In addition, possible ways of using of several innovative interactive methods practical aspects of teaching to English grammar are described.*

***Keywords:** mastering of grammar, grammatical system, word-combination, educational process, interactive training, methods of training.*

Foreign language studying is impossible without mastering of grammar of this language. To begin training to grammar it is necessary to begin at a younger step of training. Mastering of grammar of foreign language successfully passes even at a younger step of training. However, at the heart of technique mastering not so much grammatical rules, but grammatical designs lays. Nevertheless, it is necessary to train children and to mastering of grammatical rules.

Grammar as science section about language is a set of rules how correctly to construct the offer. Grammar is as a speech grammatical system – features of an actual word-combination and connection of words. «Grammatical level of language is understood as syntactic laws of the organization of texts from words, syntagma and offers, and also rule and word». [1] By means of grammar abilities of oral and written dialogue is formed. Therefore, it is important at training to grammar not only to study the theory and to achieve its mastering, but also to put forward as a paramount problem practical mastering and fastening of features of speech speaking of another language. At the present stage of development of school education one of the actual problems is demanding new ways of the decision, necessity of qualitative improvement of knowledge of English language. Successful mastering by foreign language is today a necessary precondition for reception of interesting work in the country and abroad, strengthening of friendship with representatives of the various countries, for training continuation in the international higher educational institutions and professional growth in the selected area of specialization. It is necessary to develop and use new approaches and the technologies aimed at increase of motivation of educational activity of pupils, and accordingly, and level of mastery of language by means of lexical and grammatical material. It is necessary to notice, that interactive methods of training meet these requirements, as their essence consists in interesting pupils, to make active participant of educational process, to raise motivation to subject studying. The word "interactive" has come to us from English language «interact». «Inter» is "mutual", «act» – to operate. Interactive training – dialogue training in which course active interaction of the teacher and the pupil is carried out. Game activity at a lesson of foreign language not only will organize dialogue process in language, but also as much as possible approaches it to natural communications.

Game develops intellectual and strong-willed activity. Being difficult and simultaneously fascinating employment, it demands huge concentration of attention, trains memory, develops speech.

Game exercises carry away even the most passive and poorly prepared pupils, that positively affects progress. Feeling of equality, enthusiasm and pleasure atmosphere, tasks – all give possibility to pupils to overcome it the shyness stirring freely to use in speech of word of another's language, fear of errors decreases, and well affects results of training. The language material is imperceptibly acquired, and together with it, there is feeling of satisfaction; pupil can speak already on

the same level with all. It is necessary to notice also, that one of the most effective methods of training to grammatical material of lexicon at lessons of English language is the game method. In the form of game activity it is possible always easily and quickly to explain any new material, to fulfil the difficult moments, and that the most important thing to interest pupils in studying of English language.

At an early grade level of children to foreign language one of the primary goals of the teacher – to make this subject interesting and favorite. At younger age pupils are very emotional and mobile, their attention differs involuntariness and instability. It is important to consider psychological features of children of this age in the course of training. As a rule, younger schoolchildren pay attention first of all that causes their interest. Game forms of training allow to use all levels of mastering of knowledge: from reproducing activity through reformative to an overall objective – creative-search activity. Pupils repeat what concern with full understanding in games, that it well to observe and that is accessible to their understanding. Pleasure of the growing person, cheerfulness, over raised energy, beating emotions – the most typical condition of the pupil of school age. It is shown in joyful, game mood, unrestrained aspiration to give game character of any activity, even by that which demands the serious relation. [2]

Pupils, carrying out of this or that educational task with demanded result, it is frequent in fixed and after-hour activity. All necessary actions making this or that serious activity, it is possible to add game, not concerning primary activity, but giving to it special color.

In the modern school doing the rate on activation and an intensification of educational process, game activity is used in following cases:

- As an independent method for development of a certain theme;
- As the elements sometimes rather essential, any other method;
- As the whole lesson or its part (introduction, explanation, fastening, control);
- Game using is possible at the organization of out-of-class action.

Application of interactive training is carried out by using of face-to-face and co-operative forms of the organization of educational activity, interactive games and the methods promoting training of ability to discuss. The most used technics of training:

- In the face-to-face form of work following technologies: a microphone, «Brain storm», «not Finished offer»;
- In the co-operative form of work: work in steams ("Face-to-face", «One – together – all together»), work in small groups, an aquarium;
- Interactive games: «Role game», "Dramatization", «Simplified judicial hearing»;
- Technologies of training in discussion: «Choose a position», «Round table».

Thus, in practice it is possible to use both interactive forms as a whole, and separate elements, which are most expedient to a certain class. Interactive methods allow creating the educational environment in which the theory and practice are acquired simultaneously, and it gives the chance to pupils to form character, to develop outlook, logic thinking, coherent speech; to form critical thinking; to reveal and realize individual possibilities. Thus teaching and educational process will be organized so, that pupils search for communication between new and already received knowledge; alternative decisions make, can make "opening", form own ideas and thoughts by means of various means; study in cooperation.[3]

Game forms are actual and at the senior step of training that is connected with features of their development and perception. Pupils show interest and remember that information which touches their emotional world, has for them personal value. Hence, schoolchildren of an average and the senior link have a desire to play according to requirement to compensate limitation of educational activity in positive emotional experiences, in possibility to show the activity. From above told follows that any difficult task interesting, so, accessible is necessary to interest, make pupils. At game giving of a material studying of new words, performance of grammatical tasks does not cause, as a rule, in pupils of serious difficulties.

REFERENCES

1. Lyahovitsky, M. In the Technique of teaching of foreign languages / M. Lyahovitsky. – M: Higher school, 2005. – 365 p.
2. Mirolyubov, A.A. General technique of teaching of foreign languages / A.A. Mirolyubov, A.V. Parahina. – Education, 2003. – 310 p.
3. Rogova, G.V. Technique of training to English language at the initial stage in educational institutions / G.V. Rogova, I.N. Vereschagin. – M: Education, 1998.

Материал поступил в редакцию 01.05.19

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАМОТНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

М. Кадирова, магистрант

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются сущностные характеристики интерактивного обучения. Кроме того, описаны возможные пути использования нескольких инновационных интерактивных методов, практические аспекты обучения грамматике английского языка.*

***Ключевые слова:** овладение грамматикой, грамматическая система, словосочетание, учебный процесс, интерактивное обучение, методы обучения.*

UDC 80

THE ROLE OF STUDYING OF ENGLISH IDIOMS IN DEVELOPING LEXICAL RESERVE OF PUPILS

S.Kh. Uzakova, Master's Degree Student
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

***Abstract.** In article, the role of steady expressions is considered at training of pupils to English language and frequency of using of phraseological units as one of indicators of level of mastery of language. Also in article, there are short operating instructions of phraseological idioms.*

***Keywords:** English language, lexical stock, steady expressions, idioms, phraseological units, technique of teaching of English language.*

At studying of English language we often face with steady expressions, sometimes it is difficult to translate. Using of English idioms in speech means deep understanding of language. Encounter with idioms, we can feel historical and cultural experience of people and comprehend it.

English idioms not only decorate speech, they also allow reducing sentences before small steady expressions. Speech with using of English idioms becomes much more beautiful, "live" and colorful.

Idiom is a number of the words used in common and informing to this number of meanings, not coinciding with meanings of each words of idiom, taken one by one. The way by means of a word unite, often is represented casual, illogical and even grammatical wrong. Some idioms have special properties. Other idioms are usual and logical combinations of words if to mean their grammar and the dictionary. Owing to special properties of some idioms, we should study an idiom as whole, and we cannot often change any of its components. English language is very rich with idiomatic expressions. It is valid, difficult to speak or write in English, not using idioms. The native speaker very often does not realize, that it uses an idiom; probably, it at all does not give itself (himself) the report that this idiom – is grammatical incorrect. Studying language considers correct using of idiomatic English of one of the overall objectives, and that fact, that some idioms are illogical or grammatical wrong, delivers it many efforts. Only careful work on idioms can help.

By definition of academician V.V. Vinogradov, an idiom (from Greek *idios* – own, peculiar) is semantically indivisible set phrase in which general meaning absolutely differs with values of its components.

The most widespread definition of idiom belongs to J. Seydl and U. Makmordi. They understand idiom as «a number of the words inventing value, distinct from values of its components», as the special organization of several words.

Studying of idioms is perspective enough as English language, as well as any another, develops, and appears new idioms, which enrich language. The understanding of an origin of idioms conducts to deeper judgment of culture of the country of studied language, thus, helping in studying of foreign language.

Studying of idioms is necessary link in the course of language mastering, as:

- strengthens understanding of language;
- excludes possibility to use additional words;
- helps to understand national culture of the country, studied language;
- facilitates understanding of the interlocutor;
- helps to make speech more figurative, emotional by use of expressive means of language.

Using in speech of idiomatic expressions will help to diversify and enrich a lexicon, allow making speech more brightly.

Thus, studying of English idioms strengthens understanding of language, helps to understand national culture of the country and studied language, helps to make speech more picturesque and emotional.

One of the main difficulties consists that the person studying language, does not know, in what situations it is possible to use an idiom. He does not know feature of style, that is does not know, whether it is possible to use an idiom in a formal or informal situation.

The choice of words depends on the person to whom you talk, and also from a situation or a place at the moment of conversation. If the person – your friend or a situation especially personal, it is possible to use informal expressions or even slang. In a formal situation when we do not know so well the person with whom we conduct conversation, or in an official situation it is necessary to choose words much more carefully. Would be incorrect to choose, informal expression in official situation any enough, and a choice of slang expression in such, cases – a sign of bad manners.

It means that we can transfer the same information or express idea in the different ways, using different level of language. Here one example. If someone is late for a meeting with the friend, a typical informal way of apology: «Sorry I'm late! – but I got badly held up». However, if you were late for a meeting with foreigners or on business meeting, for an apology other expression, for example approaches: « I do apologies for being late. I'm afraid my train was delayed ».

The majority of English idioms colors, appearance of the person, names, trades etc. share on simple categories, such for example, as the idioms connected with names of parts of a body, names of animals. Therefore, first of all, it is necessary to choose for a presentation idiomatic expressions from one category according to studied subjects. Expressions formal meet more often in written speech (instead of in colloquial English); they underline a certain distance between interlocutors. Such expressions should be used, for example, in the report before big audience. Expressions informal are used in daily colloquial English and in personal letters. Slang is used in very informal situations between good friends.

Introduction of additional number of idioms in key lexicon not only will essentially expand a lexical stock of pupils, but also will strengthen their interest to art possibilities of English language, will promote ability to analyze, compare, do conclusions. As Language and intercultural communications» marks S. Ter-Minasova in the book«, each lesson of foreign language is a crossroads of cultures, it is practice of intercultural communications because each foreign word reflects the foreign world and foreign culture: behind each word there is a caused national consciousness, representation about the world [Ter-Minasova 2000: 25] Doctor of Philology V.N. Teliya wrote that phraseological units are «mirror in which linguacultural unity defines the national consciousness», they define how the representative of the given culture perceives surrounding validity and reacts to events. Hence, studying phraseological units of these or those people, pupils or students can learn a lot of new about these people and about their culture [2, p. 200]. One more advantage of studying of phraseological units consists that they considerably facilitate fiction reading, allow estimating beauty of language. The competent using of phraseological units does speech of more expressive. By means of phraseological units, the aesthetic kind of language amplifies also. The last draws attention of methodologists to phraseology in a context of development of skills of written speech at foreign language lessons [4, p. 27]. Thus, from the point of view of methods of training to foreign languages, phraseological units have obvious value, especially within the limits of a modern educational paradigm.

REFERENCES

1. Teliya, V.N. Linguistic Encyclopedic dictionary: linguistic encyclopedic dictionary / Editor-in-chief V.N. Yartseva / V.N. Teliya. – M: «Soviet Encyclopedia», 1990. – 559 p.
2. Ter-Minasova, S.G. English language: textbook for educational institutions: 3 class: The Akademiya/textbook / S.G. Ter-Minasova, L.M. Uzunova, E.I. Sukhina. – Moscow, 2012. – ISBN 978-5-49400-062-0.
3. Vinogradov, V.V. Basic types of phraseological units in Russian the Selected works. Lexicology and lexicography / V.V. Vinogradov. – M., Nauka, 1977. – P. 145–161. Idioms in English language. English idioms.
4. Yesayan, A.J. Role of studying of English idioms in expansion of a lexical stock of pupils / A.J. Yesayan // Lingvuculturology. – 2016. – No. 10.

Материал поступил в редакцию 01.05.19

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО РЕЗЕРВА УЧАЩИХСЯ

С.Х. Узакова, магистрант

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Узбекистан

***Аннотация.** В статье рассматривается роль устойчивых выражений при обучении учащихся английскому языку и частота использования фразеологических единиц как одного из показателей уровня владения языком. Также в статье приведены краткие инструкции по использованию фразеологических идиом.*

***Ключевые слова:** английский язык, лексический запас, устойчивые выражения, идиомы, фразеологические единицы, методика преподавания английского языка.*

UDC 897/898.09

MEMORY AS A SOURCE OF IDENTITY: MORDECAI RICHLER'S *BARNEY'S VERSION* AND VICTOR PELEVIN'S *CHAPAYEV AND VOID*

O.A. Fedosyuk, Literary Critic, Translator, Board Member
The Russian Association for Canadian Studies Board (Moscow), Russia

Abstract. *In our article, we look at the importance of memory in constructing personal and national identity in Barney's Version and Chapayev and Void, the novels of the two well-known contemporary Canadian and Russian writers – Mordecai Richler and Victor Pelevin. Structuring their books as memoirs and using postmodern technique, the authors turn their narratives into a play with memory and the protagonists' consciousness, which impedes defining their personal identity. In search of national identity, the writers address such crucial historical events as escalating separatism in Quebec and the 1995 referendum as well as the October coup d'état and the Civil War in Russia. Although Quebec and Canada are assessed critically on the whole in Richler's novel, its characters identify themselves with their country, while Pelevin's novel totally dismisses the revolutionary historical experience and its myths, making it impossible for the main characters to obtain their national identity.*

Keywords: *memory, personal and national identity, Richler, Pelevin, postmodern esthetics, history.*

*Gazing at the faces of the horses and the people, at this boundless stream of life raised up
by the power of my will and now hurtling into nowhere across the sunsetcrimson steppe,
I often think: where am I in this flux?
Chengis Khan [8, epigraph]*

Thinking of forgetting and remembering, we actually mean memory, i.e. the ability to retain and recall past experiences. These experiences include childhood stories, anecdotes of one's life, myths and real events interpreted in different ways. Going back to the past experiences, a person inevitably identifies him/herself with certain things and rejects the other ones. Thus, memory is instrumental in constructing **personal** identity. On a larger scale, collective remembering and forgetting play an important part in shaping **national** identity. Gerrit W. Gong, a well-known American international political analyst, has given convincing arguments to prove the point in his article "The Beginning of History: Remembering and Forgetting as Strategic Issues":

Those who assume time heals all wounds are wrong. Accelerated by the collision of information technology with concerns of the past, issues of "remembering and forgetting" are creating history. They are shaping the strategic alignments of the future. Remembering and forgetting events define what individuals and countries remember and when, as well as what individuals and countries forget and why. Remembering and forgetting issues tell grandparents and grandchildren who they are, give countries national identity, and channel the values and purposes that direct the future in the name of the past. [5, p. 45]

At the same time, in the 20th century fiction, and, especially, in postmodern prose, memory is frequently used as an artistic technique for approaching or challenging personal and national history. In our article, we are going to look at the way memory is interpreted to reveal the two types of identity we have mentioned above. Our analysis will be based on comparing two novels stylized as

manuscripts – Mordecai Richler’s *Barney’s Version* (1997) and Victor Pelevin’s *Chapayev and Void* (1996).

Mordecai Richler (1931-2001) is one of the foremost Canadian novelists, journalist, radio and television scriptwriter. He lived in Paris, Spain and England. Richler won two Governor-General Awards and many others. *Barney’s Version* brought him the 1997 Giller Prize, the 1998 Commonwealth Writer’s Prize for Best Book, the QSPELL Hugh MacLennan Prize for Fiction, and the Stephen Leacock Memorial Medal for Humour. The writer was made a Companion of the Order of Canada a few months before his death in 2001.

Victor Pelevin (born in 1962) is acclaimed as one of the most famous and original contemporary Russian writers; his books have been translated into many languages. Pelevin belongs to a group of contemporary postmodern writers (the conceptualists as they are sometimes called) who brought a fresh approach to Russian prose in the 1990-s. Together with Vladimir Sorokin, Victor Yerofeyev, Vladimir Zalotukha, Dmitry Lipskerov, Victor Pelevin broke new ground in acquiring postmodern technique to depict the country’s past and present. Pelevin has received Richard Schenfeld German Literary Prize, Nonnino-2001 given to the best foreign writer, National Bestseller-2003, Big Book 2007 and many other awards. *Chapayev and Void* was translated into English under the titles *Buddha’s Little Finger* and *The Clay Machine-gun*; the references to the novel’s text in the article have been made from *Little Buddha’s Finger* translated by Andrew Bromfield. In 2015, the English-language film bearing the same title was released in Germany. Pelevin’s novel was staged in two Moscow theatres: *Teatrium in Serpukhovka* and *Praktika*; over three million people have seen the performance in *Praktika* since its premiere in 2014.

STRUCTURING BOTH NOVELS AS MEMOIRS

Significantly, both *Barney’s Version* and *Chapayev and Void* are organized as memoirs, which gives the narrative a certain framing; however, there is a marked difference in their modes.

Richler’s protagonist Barney Panofsky, the sixty-seven year old Montreal film and TV producer presents his “version” of his life, trying to deny his friend’s charges about him. The novel is sectioned in three parts by Barney’s three marriages. Yet, the book spanning four decades and two continents is far beyond personal details; in fact, it provides a panorama of Montreal and Quebec social, cultural and political life in 1950 -1996.

Pelevin’s novel is introduced as a manuscript found in a Mongolian monastery in the early 1920-s. Sergey Polotovskiy and Roman Kozak, the authors of *Pelevin and the Generation of Void*, consider this beginning a traditional frame typical of the 19th century fiction [4: 23]. As usual, Pelevin mystifies his readers saying in the book’s preface that the author of the memoir cannot be named for many reasons, but his intention is to create a real image of Vassily Chapayev, a legendary Red Army cavalry commander who was killed in combat in 1919. The novel is set at two different levels – the period right after the October Revolution (1918) and the mid -1990s. The main characters are Vassily Chapayev and Pyotr Pustota (Void), a psychiatric hospital patient in modern Russia who has nightmares of being a poet in post-revolutionary Petrograd. St. Petersburg was named Petrograd in 1914-1924.

MEMORY AS A NARRATIVE VEHICLE

Both writers use the protagonists’ memory as a vehicle that makes the narrative develop; moreover, Richler and Pelevin, having chosen a fragmented and non-linear first-person narrative, demonstrate postmodern playfulness with the fragility of memory and consciousness.

In his preface to Richler’s novel published in the Russian translation in journal “Innostranaya Literatura”, the journal’s chief editor Alexander Livergant argues “it is the word ‘play’ that determines the novel’s genre, its creative method, and the main character’s *raison d’etre*” [3, p. 5]. Indeed, Richler’s novel has a loose narrative structure that expresses the author’s intention – to reveal Barney’s elusive nature and to imitate the chaos of his life. Recounting his life story, Barney Panofsky, a bon vivant and womanizer, goes from one subject to another, and obviously ignores

logics and chronological order in his writing. Besides, throughout the book, Barney's memory is failing because his Alzheimer's disease is progressing, and his adult son Michael's footnotes integrated into the text are supposed to help reconstruct the true picture. The main character's intellectual disintegration is stated in Michael's afterword to the story.

Richler's playfulness might have deluded the experienced critic like Kerry McSweeney, *Canadian Literature* reviewer of the novel who justly called Richler's narrative rambling and digressive [7, p. 188], but unfortunately failed to see the author's purpose. That is why the critic's conclusion that the novel seems pooped, technically amateurish and embarrassing does not appear to be convincing.

Memory plays a vital part in Pelevin's novel too as Pyotr Pustota (Void) actually lives in two different times (during the post-revolutionary period and in the post-Soviet Russia) and is totally confused about it:

'Then what is my surname?' I asked anxiously.

'Your surname is Void', Volodin replied, 'and your madness is caused by your denying the existence of your own personality and replacing it with another, totally invented one'. [8, p. 24]

Being a patient in the mental hospital, Pyotr has been undergoing a psychiatric treatment for split personality because his persona has ousted his ego – he insistently identifies himself with the poet who fled from Petrograd to Moscow and then with the Soviet political commissar who was offered the job in Chapayev's division. Evidently, Pelevin bases the concept of the self on the developments of Freud and Jung as well on the major propositions of the existentialist philosophy.

PERSONAL IDENTITY PROBLEM

However, Pyotr Void is not the only character who has trouble with personal identity. Both books' fragmented narrative full of forgetting and remembering constantly makes the reader wonder what kind of personalities Barney and Chapayev have because their identities are fairly muddled.

Barney Panofsky is viewed from multiple perspectives: his own, his wives' and his children's. Barney does not only relate his version of his "wasted" life, he also presents his version of himself, "speaking" nonchalantly and humorously:

I was an anomaly. No, an anomie. A natural-born entrepreneur. ...

I was a voracious reader, but you would be mistaken if you took that as evidence of my quality. Or sensibility. At bottom, I am obliged to acknowledge, with a nod to Clara, the baseness of my soul. [9, p. 1]

He does not seem to have any illusions about his character and behavior; in fact, he often feels remorseful about his adultery, drinking too much, being unable to discipline himself, but his persona (i.e. mask) and true self are inseparable. His third wife Miriam reveals another "side" of Barney blaming him for being domineering, for never letting her take her own decisions. Neither can his elder son Saul accept his father's loose morals; he openly accuses Barney of ruining their family life and divorce.

Finally, when Barney dies at the end of the book, all his children get together to discuss his memoirs, and they realize their father was not quite the person they saw. As one of them says, he cast a long shadow.

Victor Pelevin has a more ambitious and challenging project of presenting Vassily Chapayev after almost eighty years since his death and an absolute distortion of his image in the Soviet Union. Paradoxically, in the Soviet art and mass media, Chapayev's figure was mythologized to such an extent that in the 1970-s – 1980-s he became a folklore character, the hero of numerous anecdotes. The famous commander acted in the stories together with his aide Pet'ka and the female machine-gunner Anka. We see the trio in the novel, but **re-mythologizing the old myth**, Pelevin

has totally changed their personalities. Instead of common people of peasant descent, they are presented as elegantly-dressed highbrows who are fond of refined amusements, classical music, books by Hamsun, Rilke, Remark. As Pyotr is overwhelmed by the fact that Chapayev is entirely different from the stereotypical image of the Red Army commander, he tries to identify him, asking persistently: «Who are you really?». There is no definite answer – finally, both Pyotr and Chapayev realize that they void, nothing, a sort of fictions with no identity.

Importantly, interpreting the Soviet regime as a period of antiquity with its myths became a popular view in contemporary Russian literary criticism and journalism at the turn of the millennium. Leonid Parfyonov, an acclaimed journalist, TV presenter and writer, introduced the term “the Soviet antiquity” referring to the 1970-s. Speaking about the USSR at a meeting with journalists, Parfyonov said: “We live in the Renaissance of the Soviet antiquity. The Soviet times have become Greenwich meridian, the starting point on all counts” [10]. Other Russian critics use the term in a wider context, meaning the Soviet era in general. Analyzing Pelevin’s prose in his article “Pelevin’s Phenomenon”, Alexander Genis, a well-known Russian critic and author living in the USA has made a keen observation on his writing: “As a matter of fact, Pelevin treats the reality like any other artist at all times - he mythologizes it. The Soviet regime is for him the same initial material as Troy for Homer or Dublin for Joyce” [2]. Earlier, comparing the writing of Victor Pelevin and Vladimir Sorokin, another foremost postmodern Russian author, Genis noted: “Pelevin is rather constructive than deconstructive. Using the same remnants of the Soviet myth as Sorokin, Pelevin combines them into plots and conceptual constructions” [1].

ADDRESSING NATIONAL IDENTITY

Discussing national identity, among other things, presupposes accepting the country’s historical experience or rejecting it. Although the historical periods both writers describe in their books are sometimes dramatic, for example, Quebec separatist movement and 1995 referendum in *Barney’s Version*, we cannot compare these events with the October revolution and the situation in Russia after the collapse of the Soviet regime in *Chapayev and Void*.

As mentioned above, Richler’s novel gives a wide context in which Barney’s life is related; the story is set in Canada, the USA and France during the second half of the 20th century. However, the book’s focus is on Montreal Jews, their habits and traditions, way of life and character. Barney’s inner monologue full of typical Jewish vivacity and humour reveals his ethnicity to the utmost. At the same time, stressing Barney’s and other characters’ Jewishness, the author shows the protagonist as a Quebecois and Canadian mainly through his strong criticism of the province and the country. Barney severely criticizes Quebec for provincialism, coloniality and nationalism, he’s skeptical about Toronto and modern Montreal, he calls Canada an asylum, an incredibly rich country ruled by idiots. Yet, it is rather love than hatred that guides him.

Interestingly, the novel’s final episode provides another perspective on the national identity problem. As the family cottage was sold after Barney’s death, his elder son Saul arrives in the Laurentian Mountains to take the estate agent and the new owners around the house. While sitting in the veranda and thinking of the old times, he suddenly sees a water-bomber making a training flight over the top of the mountain and dropping tons of water on it. Saul is very proud of this typically Canadian sight as he calls it, and he wishes his children could see the flight.

Obviously, Russian historical experience differs greatly from that of Canada, but analyzing Pelevin’s novel in terms of national identity, we should start with Margaret Laurence’s remark that she made in her essay “A Place to Stand On”. Researching the past in the contemporary Nigerian writing and her own, Laurence noted:

...it was only several years ago ... that I began to see how much my own writing had followed the same pattern – the attempt to assimilate the past, partly in order to be freed from it, partly in order to try to understand myself and perhaps others of my generation, through seeing where we had come from. [6, p. 14]

Actually, a similar pattern emerges in Pelevin's book when he looks at the process of national identification at the moment of radical change in Russia (in the 1990-s) that had to come to terms with its totalitarian past. Desperately wanting to be freed from it, the author flatly rejected the two historical cataclysms – the October Revolution and the Civil War - as national catastrophes. He also denounces Soviet ideological myths and clichés, which were used to shape the Soviet national identity. Consequently, Chapayev is ironically represented as a person who didn't exist in reality. Looking back to the past, Pyotr realizes there is only void, nothing to support him. He has no national identity as he is unable to find any national symbols or historical facts/personalities to identify with.

CONCLUSION

Summing up our discussion of the two novels, we should state that they both are organized as memoirs, and the common narrative feature gives their authors an opportunity to use memory as a narrative vehicle.

In the postmodern context, Mordecai Richler and Victor Pelevin manifest obvious playfulness with the fragility of memory and consciousness. However, Richler's book is based on play as a genre and Barney's failing memory as the main narrative technique, while Pelevin focuses on the split consciousness of Pyotr Void, and the combination of two time levels allows the writer to reconstruct the post-revolutionary Russia.

The main characters' personal identities appear to be difficult to determine for different reasons. The personality of Barney Panofsky, an unreliable ranting narrator having progressing Alzheimer's disease, is presented in the novel through multiple perspectives. Both Pyotr's and Chapayev's characters are absolutely different from their prototypes as Pelevin deliberately re-mythologizes the old Soviet myth of the famous commander and his aide.

Memory is vital in addressing the national identity problem for both authors. In his recollections of forty years, Barney is extremely critical of Quebec and Canada, yet he definitely admits them as native province and country. On the contrary, Pelevin rejects the revolutionary period and its myths categorically; hence, his main characters are devoid of national identity.

REFERENCES

1. Генис, Александр. Беседа десятая. Поле чудес: Виктор Пелевин. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1997/12>, accessed April 20, 2019.
2. Генис, Александр. Феномен Пелевина. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/ogen1/1.html>, accessed April 20, 2019.
3. Ливергант, Александр. *Широк человек ... Иностранная литература*. – 2007. – № 8. – С. 3–6.
4. Полотовский, Сергей, Козак, Роман. *Пелевин и поколение пустоты*. – М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2012. – С. 232.
5. Gong, Gerrit. The Beginning of History: Remembering and Forgetting as Strategic Issues. *The Washington Quarterly*, 2001, 24: 2, P. 45–57.
6. Laurence, Margaret. *Heart of a Stranger*. Toronto: McClelland and Stewart, 1976. – P. 221.
7. McSweeney, Kerry. *Endgame Tap-Dancing. Canadian Literature*, 1998. – No. 159. – P. 188–190.
8. Pelevin, Victor. *Buddha's Little Finger*. New York: Viking, 2000. – P. 352.
9. Richler, M. *Barney's Version*. New York: Knopf, 1997. – P. 416.
10. <https://theoryandpractice.ru/posts/8103-parfenov>, accessed April 20, 2019.

Материал поступил в редакцию 24.04.19

ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК ИДЕНТИЧНОСТИ: МОРДЕХАЙ РИХЛЕР «ВЕРСИЯ БАРНИ» И ВИКТОР ПЕЛЕВИН «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»

О.А. Федосюк, литературный критик, переводчик, член правления
Правление Российского общества изучения Канады (Москва), Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается роль памяти в процессе конструирования личной и национальной идентичности в романах Версия Барни и Чапаев и пустота двух известных современных писателей Канады и России – Мордехая Рихлера и Виктора Пелевина. Структурируя свои произведения в виде воспоминаний и используя некоторые постмодернистские приёмы, авторы романов превращают повествование в игру с памятью и сознанием своих главных героев, что затрудняет определение личной идентичности каждого из них. В поисках национальной идентичности авторы обращаются к таким судьбоносным историческим событиям своих стран, как обострение сепаратизма и референдум 1995 г. в Квебеке, а также Октябрьский переворот 1917 г. в России и Гражданская война. Несмотря на критику Квебека и Канады в целом, персонажи романа М. Рихлера отождествляют себя со своей страной, тогда как роман В. Пелевина демонстрирует полное неприятие революционного опыта и порождённых им мифов, что препятствует обретению национальной идентичности его героями.*

***Ключевые слова:** память, личная и национальная идентичность, Рихлер, Пелевин, постмодернистская эстетика, история.*

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

УДК 80

**«ПРОСТАЯ ДУША» В ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ
ФЛОБЕРА И «ЧЁРТОВО БОЛОТО» ЖОРЖ САНД:
ПАСТОРАЛЬНО-ИДИЛЛИЧЕСКИЕ МОТИВЫ**

Н.А. Литвиненко, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет, Россия

Аннотация. В статье анализируется трансформация пасторально-идиллических мотивов в художественном мире романтической повести Жорж Санд и реалистической Флобера.

Ключевые слова: идиллия, пастораль, романтизм, реализм, Жорж Санд, Флобер.

Флобер и Жорж Санд принадлежали к разным поколениям, их творчество основывалось на разных эстетических принципах, в то же время созданные ими художественные системы как будто дополняли друг друга. Писательница вплоть до своей смерти оставалась верна поэтике романтизма, изображения жизни не такой, какова она есть, а такой, какой она должна быть, будучи пропущена через воображение романиста; оставалась одним из создателей литературы, адресованной широкому демократическому читателю [1, с. 114-173]. Автор «Мадам Бовари» (1856) и «Воспитания чувств» (1869) был писателем-реалистом, мастером формы, стиля, не тяготеющим к эффектам и приёмам массового искусства, но и эстетические принципы Шанфлера, Гонкуров, Золя не привлекали его.

Флобера и Жорж Санд связывала многолетняя дружба, переписка, взаимная симпатия и творческий диалог. Писательница посвятила романам «Мадам Бовари» и «Воспитание чувств» статьи, свидетельствующие о глубоком понимании ею специфики флоберовского реализма.

В повести «Un cœur simple», 1877. В русском переводе «Простая душа») Флобер вступает в своеобразный диалог с Жорж Санд: «Я начал писать «Простую душу» исключительно ради неё, с единственной целью ей понравиться (pour lui plaire) [4], – признается он Морису Санду после смерти писательницы 29 августа 1877 г. От ее сельской повести – «La Mare au diable» (1846), заслужившей славу «французских георгик», произведение Флобера отделяло 30 лет. Можно не сомневаться в искренности признания; но потребовалась дистанция в несколько десятилетий, чтобы этот импульс воплотился в жизнь. По-видимому, «пришло время» – не только психологическое, но и историко-литературное.

Тема «простого» человека, персонажа из общественных низов, во французской литературе 1860-1870-х гг. – на новом этапе социокультурного развития, в условиях Третьей империи, событий Франко-прусской войны и последовавших за нею общественных потрясений, стала едва ли не магистральной. Социальные факторы, факторы влияния среды были «натурализованы» реализмом уже в 1820-1840-е гг., теоретически обоснованы И. Тэнном, играли в произведениях писателей, не только натуралистов, важнейшую роль. Авторы «Жермини Ласерте» (1864) и «Западни» (1877) рисовали картины жизни низов общества, обыкновенных людей, в силу разнообразных причин, постепенно опускающихся на дно. Писатели пытались

осмыслить истоки подобных трагедий, всматривались в психологию и психопатологию такого героя, не прибегая к черно-белой готике романа-фельетона, опираясь на опыт, накопленный предшествующим этапом развития литературы. В этом контексте диалог между Флобером и Жорж Санд, между Флобером и братьями Гонкурами, Золя приобретал новую актуальность. Важную роль в этом диалоге играли разнообразные жанровые и стилевые традиции, историко-литературные и «трансисторические», в том числе – идиллии и пасторали.

В повести «Простая душа» Флобер вводит прямые аллюзии, отсылающие к Бернардену де Сен-Пьеру: детей мадам Обен зовут Поль и Виржиния, Виржиния погибает, а Поль – на периферии сюжета. Гибнет далеко, в Америке, племянник Фелисите Виктор, не наделённый никакими отрицательными свойствами. Писатель скупо очерчивает жизнь персонажей; в отличие от Гонкуров и Золя, не выстраивает сложную драму межличностных отношений, каждый из героев повести Флобера существует в собственном, узком, бытовом, сюжетно связанном с судьбой Фелисите и домом Обен пространстве.

Флобер вводит знаковые детали интерьера: «По бокам жёлтого мраморного камина в стиле Людовика XV висели гобелены с двумя пастушками», упомянут предшественник Ватто, создатель гобеленов Одран. Отзвуки пасторально-идиллических мотивов сопровождают незамысловатый ход развёртывающихся событий: «Поль забирался в овин, ловил птиц, швырял в лужи камни... Виржиния кормила кроликов, носилась по полю, собирая васильки, и ее кружевные панталончики мелькали на бегу» [3]. Еще более явственны эти мотивы в пейзажных зарисовках, которые сопровождают сюжет: «Почти всегда отдыхали на лугу между Довилем, лежавшим слева, и Гавром – справа. Впереди расстилалось открытое море. Оно блестело на солнце, гладкое, как зеркало, настолько тихое, что едва можно было уловить его рокот. Где-то чирикали воробьи. И все покрывал необъятный свод неба. Г-жа Обен, сидя, шила что-нибудь; около неё Виржиния плела камыши; Фелисите рвала цветы лаванды...» [3]

При всей значимости для автора принципов безличного письма, в пейзажах Флобера проступает ностальгия по идеальной гармонии, он окрашен скрытым за описательностью лиризмом, может переключаться с тональностью происходящих событий: «высокие травы вдалигнулись, как волосы трупов, плывущих в воде». В преддверии смерти Виржинии героев «осыпали кружившиеся хлопья снега». Под покровом и воздействием банальной обыденности гармония постоянно обнаруживает изъяны, возникают признаки упадка, разрушительного воздействия времени, контрастно прозаические детали: «Наши путешественники сошли, перешагнув через навозную жижу, прямо на порог двери» [3]. Элегический и лирический подтекст в описании природы усиливает звучание центрального мотива повести – иллюзорности гармонии мира и человека.

С пасторально-идиллическими мотивами связан образ главной героини – Фелисите. Флобер наделяет ее пастушеским детством: «Один фермер дал ей у себя пристанище и, хотя она была совсем маленькая, заставлял ее пасти в поле коров. Она дрогла в лохмотьях от стужи, пила, лёжа плашмя на земле, болотную воду. Ее били за всякий пустяк... Она поступила скотницей на другую ферму...» [3]. Фелисите уже не пастушка, а скотница, все ее детство – это антиидиллия, описанная в стилистике распада гармонии, изображения мира, если не враждебного ей, то глубоко безразличного к ее судьбе. В традициях реализма писатель фиксирует особенности социального уклада, буржуазных отношений, где сочувствие – явление чрезвычайно редкое и господствуют корысть и несправедливость. От «Поля и Виржинии» Фелисите отделяет пропасть, в повести Флобера остались только отголоски той предромантической идиллии, которая, в конечном счёте, тоже не состоялась.

Писатель переносит отголоски идеального пространства, которое скрывает в себе природный мир, во внутренний мир героини, наделяя Фелисите бесконечной преданностью и добротой, вне расчётов и разрушительных инстинктов. Переключка с сельской идиллией, повестью Жорж Санд «Чёртова лужа» вполне очевидна. На протяжении ряда десятилетий страстно защищавшая социалистические идеалы, писательница в лирическом, романтическом дискурсе гармонизирует отношения между миром природы и своими героями, они не

существуют отдельно. Жорж Санд вводит в идиллию социальные мотивы, приглушая их звучание, обогащая произведение сказочной символикой блуждания героев вокруг «заколдованного» места («La Mare au Diable»). Но конфликт между богатством и бедностью – овдовевшим зажиточным крестьянином и идеальной пастушкой – служанкой Мари, социально-психологический, оказывается разрешим. Герои Жорж Санд, принадлежащие к народной, крестьянской среде, не разделены социальным антагонизмом, это размышляющие герои, они благополучно преодолевают свои имущественные предпочтения под влиянием нравственных побуждений, которые оказываются для них гораздо весомее богатства и предрассудков. Они – носители справедливости, нравственного чувства, которое, развиваясь на протяжении веков, по мысли писательницы, образует единство народной, национальной культуры.

Сельские повести Жорж Санд, как и «Trois contes» Флобера знаменовали новый этап творчества романистки. Трагический опыт 1848 г. привёл «музу республики» к изменению общественно-литературной позиции. После поражения революции она выбрала миссию утешения – «сладостной поэзии», которую хотела «пролить на раны человечества». [5, с. 36-37].

Утешение – это та художественная стратегия, которую У. Эко рассматривает как сущностное начало массовой, народной литературы [2, с. 18-19]. Утешает ли своего читателя Флобер? По-видимому, да, но иначе, чем Жорж Санд, его утешение имеет другую основу и другой смысл, оно спроецировано на универсальный трагизм жизни – порождаемых ею бесконечных иллюзий и разочарований. Это утешение отдалённо предугадывает опыт приговорённого к вечному камню Сизифа в трактовке А. Камю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литвиненко, Н.А. Массовая литература и романтизм / Н.А. Литвиненко. – М., Эконинформ, 2015 – 182 с.
2. Эко, У. Super man для масс. Риторика и идеология народного романа / У. Эко. – М., Слово / Slovo. 2018. – 245 с.
3. Flaubert Gustave. Trois contes BeQ Gustave Flaubert 1821-1880 Trois contes Un cœur simple La légende de saint Julien l'Hospitalier Hérodias La Bibliothèque électronique du Québec Collection À tous les vents Volume 801: version 1.0 2 Du même auteur, à la Bibliothèque: Textes de jeunesse I Textes de jeunesse II Madame Bovary 3 Trois contes Édition de référence: Paris, Louis Conard, Libraire-Éditeur, 1910. Le texte de ce volume est conforme à celui de l'édition originale: Trois contes, P., G. Charpentier, éditeur, 1877. – Mode of access: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Flaubert-contes.pdf>
4. Flaubert G. à Maurice Sand [Saint-Gratien], mercredi 29 août [1877] / Flaubert Gustave. Correspondance: Année 1877. – Mode of access: <https://flaubert.univ-rouen.fr/correspondance/conard/outils/1877.htm>.
5. Sand George. La Petite Fadette. – P., 1967. – 328 p.

Материал поступил в редакцию 01.05.19

“A SIMPLE SOUL” IN THE NOVEL BY FLAUBERT AND “DEVIL'S SWAMP” BY GEORGE SAND: THE PASTORAL-IDYLLIC MOTIFS

N.A. Litvinenko, Doctor of Philological Sciences, Professor
Moscow Region State University, Russia

Abstract. *The article analyzes the transformation of pastoral and idyllic motifs in the artistic world of the romantic novel by George Sand and the realistic by Flaubert.*

Keywords: *idyll, pastoral, romanticism, realism, George Sand, Flaubert.*

UDC 80

PHRASEOLOGISMS CHANGED BY AUTHORS: (ON A BASE OF ABISH KEKILBAYEV'S COMPOSITIONS)

A.K. Utebaeva, Master of Humanities, Senior Lecturer
Kostanay State University named after A. Baitursynov, Kazakhstan

***Abstract.** This article considers phraseologisms changed by authors on the material of Abish Kekilbayev's compositions.*

***Keywords:** phraseology, phraseologisms, writer's language, Abish Kekilbayev.*

It is known that fictionologies are exposed to author's alterations in artistic works. Writers often use phrases in the national fund not in its entirety but they edit phraseology according to the substance of the sentence.

The scientist E. Zhanpeisov wrote: "The emergence, development and regularity of the prose language are always development and perfection of all types of language. As artistic skill has no limit, there is no doubt that every word, every language, common visual and visual aids in the language, some of its own words, stylistic color of phrases, artistic functions, and emotionally-expressive motives are constantly changing and reviving. "

The use of the writers' changing, editing, and refining the meanings of phraseology in the national language is frequently encountered in artistic compositions. This change of phraseology in the language of writers can be both a compositional and a semantic aspect. Structural-semantic refinement of phraseology, transformation (modification) and reproduction by writers is based on a specific purpose and necessity.

Authors' use of phraseologicalism has been shown and analyzed by researchers N. Ualiev, A., Kaidar, T. Konyrov A.I Yefimov, M. Belbaeva in their works. The use of generalized phraseology in artistic prose is artistic, stylized purposes is realized in different ways.

Conventional language-specific transformation involves quantitative changes, such as the use and reduction of known syllables of phraseology or ellipses. For example: Humor does not have no revenge, gossip – no limitations; forty animals are sprinkled on the livestock, forty animals – forty heads. This is a compact application of dual circuits in phraseology where they are often associated with these types. At times, double repetition phrases of the phraseology are reduced to the same extent: the big enemy will be the enemy of the big country, the big dispute will be a great scandal – the big enemy –is an enemy of the country, the bigger the dispute – the earth's scandal.

The legality inherent in the nature of phraseology is that the ellipse, the slip of which is quite compact, is in a narrower state. That is why the original lexical structure of some phraseology is forgotten and operated in a compact manner. For example, in a man, in a fierce water, in his native land, his phraseology is not in its entirety, but in a condensed form, from the usage to the linguistic unity.

Compact use of phraseology often occurs in double-roll types. Sometimes, when some recurring items in the double-row complement are reduced, a single roll of double packing is sometimes used.

In the artistic compositions self-contained phraseologies are accompanied by the simplification of the lexical structure of the composition.

The simplification method is also characteristic of proverbs and sayings. "The elliptical phenomenon that occurs in the construction of proverbs and sayings is based on the essence of the word, which is essentially different from the essence of the meaning, but is interpreted in terms

of the meaningful similarity of the words contained in it, and some indirect, additional meanings» [4, p. 134].

There are some stylistic differences in the use of some words in the proverbs and sayings. Some elements of the proverbs and sayings fall whenever the author does not undermine the meaning of the game. Here, the beauty of the proverbs and sayings increases:

Сондықтан кешегі жылы сөзі мен оң қабағы аяғына тұсау, бетіне шіркеу боп жүрмей ме!

In this sentence «оң қабағын берді», «аяғына тұсау болды» compile phraseological words and used the verbs «оң қабағы» – «берді», «аяғына тұсау» – «болды».

– *Алдияр тақсыр, олар да жапан түзде ұшарын жел, қонарын сай біліп, бет-бетіне босып жүрген көп көшпендінің бірі ғой [2, 22 б.].*

Сондықтан әуелден-ақ аяз әлін, құмырсақ жолын білгені дұрыс [3, 51 б.].

Жиырмасы да қызыл кеңірдек талқыға түскенде қабылданбай қалды [3, 60 б.].

In the poem, regular expressions are often subject to change by the elliptic (dropping one or two components). Here, the structure of phraseology is compacted and subordinated to the poem [4, 104 б.].

Айдай аузы, күндей көзі – шын сұлу
Қызым бар-ды қолымда.
Төрт алақан қос бұрымға ұмсынып,
Екі бірдей жігіт түсті соңына [2, 20 б.].

Here the phrase «ай десе аузы бар, күн десе көзі бар» compacted phraseology, transformed the ellipse into a "moon-like mouth". The most common type of styles in artistic prose is the use of lexical composition of phraseological vocabulary.

The use of lexical composition of phraseology is considered as an opposite to the ellipse. Engaging partner words that are not included in the lexical composition of phraseology, but commonly used in linguistic use, are involved in speaking, expanding the formalized structure of phraseology in language.

For example: үш салар текемет – үш салар үлкен текемет, ат шаптырым жер – ат шаптырым алыс жер, сөзге келмеді – екі сөзге келмеді, бір ауыз сөзге келмеді, төбесі көкке жетпеді – төбесі көкке аз-ақ жетпеді. т.б.

The use of additive components to the composition (interval) of phraseology is derived from the style of purpose, primarily in its contextualization, the content enhancement, emotional-expressive tone enhancement. In order to make the image stronger, more attractive, and more accurate, we find that the writer uses a lot of artificial envy.

The phraseological unit «Тіс батпайды» in the connotation «батылы бармайды» is used. This phrase is from A. Kekilbayev's "Interview with Time" adds the word "mysterious" to the fact that the writer "strengthens even the power of boldness and power": In addition, the datasheet is actually a mysterious tooth-tuning for modern researchers and history lovers. [3, 62 б.].

The structure of many phraseology in the Kazakh language is blocked, and it does not seem to be necessary to introduce the externally. Some phrases, however, do not violate their integrity: they are in danger – they cause a collapse; For example: *Аранды ашқан үстіне аша берсек, ешқандай атом, сутегі, нейтрон бомбасынсыз-ақ дүниенің күлін көкке бір-ақ ұшыратындай сыңайымыз бар.*

In this sentence «күлін көкке ұшыратындай» Although it adds a single word to a constant phrase, it does not break its integrity but has an expressive meaning. In artistic works, there is a phenomenon that can be tested in some regular words. This phenomenon can be found in any artwork.

Мысалы: Қалың кірпіктері жаппай көтеріліп, бадырақ ала көзіндегі бар үрейді жарқыратып жайып салынты [3, 27 б.].

Жалаңтөс тұсында төбесі көкке бір жетіп қалған исі Сейтқұл, исі Төртқара, исі Әлім, исі Алишынның қазіргі маңдайға ұстағаны да осы – Әйтекетұғын.

Маңдайларына біткен жердің ең шұрайлысын жамбасына басып жатып алған жоңғарларға қазақтардың қаны көптен қайнап жүретін [3, 307 б.].

In these contexts, the expression «төбесі көкке бір жетіп қалған » means a delighted feeling of a man, and in the second sentence ‘қаны көптен қайнап жүретін’ means the hate and abhorrence to the Djungars, which has long been enemies. The popular phrase "төбесі көкке жету" and "қаны қайнау" were used by the writer to describe the logic of the event as "a ceiling in the sky" and "blood was long boiling". Additionally, the phrase (one numeral name, the remainder of which is the verb, the amplification of the semantic system of phraseologicalism in the second sentence (long and moving – in the form of the primitive, the III, the triangle connector, the multiplication), is the expression of the syllable phrases can be used to extend the range.

Applying certain types of phraseological units (ellipticis), introducing a test word (dictation), complementary application (contamination), regular use of composition (peonism), modernization is often based on quantitative change [4, p. 55]. *жалтымыз мен жалқымыздың көсегесін бірдей көгертер ортақ істерді өрге бастыруға ма – қайда жұмсалатынына қайтіп толғанбассың? [3, 120 б.].*

By adding the same word to the phraseological phrase, which means "grunge bark" – the grunge, the growth of the blossom, it is possible to notice that the writer does not feel the gratitude here, but to the changes in the past.

The phraseological creativity of the author promotes the emergence of authoritative phrases, along with regular expressions in the folklore. Single-phrase phraseology can be transformed into a meaningful and stylized phrase by changing, creating the basis for the new semantic meaning of language. During the author's testimony, it has been proved that self-linguostilistic peculiarities of the phraseology used in the heroic language, and also in the language of writer's works, are added to the ranks of everyday phraseology. The birth and authorship of autobiographicals will depend on the national culture of the people. It can be divided into several groups depending on the use of phraseology in the manuscripts. 1) Transformation of phraseology; 2) application by way of contamination; 3) Distant use.

The broader sense of the phraseology that has been put into practice by the author in terms of lexico-grammatical, emotional-expressiveness depends on the writer's skill and style.

Thus, the use of the lexical composition of phraseology is a stylistic phenomenon, which is the main purpose of the author's clear-cut play. This phenomenon influences the artistic or literary aspect of the literary language, contributing to any one of them, making the idea convincing and symbolic.

This approach, which is used interchangeably in phraseology, is called scientific contamination. Contraindications of phraseology have a special stylistic function for the prose language. In the use of writers, it is observed that such a method of convergence is augmented by the expressive tone of phraseologies [1, p. 128].

For example, the meaning of the phrase "bouncing over" is a big catch, and the phraseology "blood shedding" has a meaning in the folk-looking "blood-painted" term, meaning red, meaning dead.

A. Kekilbayev has compiled the words in these two phraseology and made a phraseological unit: *Біреудің тұмсығын қанатсаң, бар пәлені басыңа үйіп-төгіп бағатын немелер кең әлемді белшеден қанға малып қойсаң: «Бұл не істегенің», – деп нәлет айтпайды. – «Апырай, қалай істедің?» деп қайран қалады. [2, 19 б.].*

In this sentence, the first component of the conjugate of the phrase "bat from the belt" was used by the word "dipped in blood". Of course, this stylistic mystic is decorated with a special tone for artistic painting of phraseology.

The use of two separate phraseology in the form of contamination helps the writer to convey the idea and the phenomenon that he describes more precisely, expressing. This is how the phraseology is transformed, modernized, and in a certain degree the stylistic relationships.

Phraseology – is a language class that is in its essence unconstrained to become a blockage and to put on the outside test. And some phraseologies are altered by the structure and the addition of words to poetry is characteristic of prose.

Phraseologisms are subject to structural changes only when they are meant to be contrived by contaminations or supplementary words.

The supplementary elements that have been tested in the prose language by the phrases of phraseology have been interconnected and interconnected, without undermining the integrity of the common constants. These components are often used to clarify the meaning of phraseology. *Мысалы: Сөйтін, Қытайдың жаңа императоры Россияның күн шығысқа байланысты үміттерінің бір де бірін ақтамады [3, 60 б.].*

«Үміт ақтамау» фразеологизмінің арасына (бір де бірін)сыналап сөз ендіру арқылы сенімсіздік мағынасын берген.

In artistic compositions, regular expressions can be found in proverbs and sayings, and the testicles in the syllabus are tested.

For example, the proverb "тоқсан ауыз сөздің тобықтай түйін" has been divided into two parts by the writer's prose: The Quarterly Speech is the same. So, what is the point? [3, p. 111].

The connective chains that are used to interpret the idea in another language are not here to break their content integrity, even though they are included in the content of the article.

The aim of the writer to use the distant phenomenon is to change and expand the structure of phraseology in order to clarify and intensify the situation at that moment [1, p. 132].

In the writer's language, it is clear that the most cost-effective phenomenon is replaced by traditional phraseology and inversions. The use of such a technique that is often characteristic of fluent interpretations is of paramount importance.

For example: Іріңдей бастаған жараны ерте жарып асқынтып алмай, әбден пісіп, өзегін өзі ашқанын күту медицинаға ғана емес, дипломатияға да керек тәсіл [3, 132 б.].

«Жараның іріңдеуі» replaced by a combination of phrases, not just medical, but politically, in a variable sense.

There is no stylistic motivation of phraseology to replace the traditional place order.

Although structural elements of the phraseology are well developed, there is no significant change in its traditional meaning. It is a phenomenon that depends on the conditions of the poetry rather than transformation of the place of phraseology (Ref. 4, 150).

The use of phraseology in the nation-wide language by the writers, and their use in the context of the context, first of all allows the phraseology to be used in a different way, enhancing the meaning of the microextinguishment and enhancing its expression.

It is possible to conclude that the use of phraseology in a variety of ways is the result of the style, and secondly, by means of regular phrases in the native language, as well as by creating new vocabulary and enriching the phraseological fund of our language.

REFERENCES

1. Bolganbayuly, A. Lexicology and phraseology of modern Kazakh language / A. Bolganbayuly, G. Kaliuly. – Almaty, 1997. – 256 p.
2. Kekilbaev's selected works Itom. – Almaty, 1989 – 400 p.
3. Kekilbayev, A. Interview with the modern: thoughts / A. Kekilbayev. – Almaty, 1996 – 592 p.
4. Konyratbaev, Zh. Phraseological expressions in the Kazakh prose language of the twentieth century / Zh. Konyratbaev. – Almaty: Arys publishing house, 2005. – 166 p.

Материал поступил в редакцию 29.04.19

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ИЗМЕНЁННЫЕ АВТОРАМИ:
(НА ОСНОВЕ КОМПОЗИЦИЙ АБИША КЕКИЛБАЕВА)**

А.К. Утелбаева, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель
Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы, изменённые авторами на материале сочинений Абиша Кекильбаева.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизмы, язык писателя, Абиш Кекильбаев.

УДК 80

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ
ЛЕКСИКИ В АФОРИЗМАХ****Ф. Валиева**, доктор философии по филологическим наукам
Бакинский славянский университет, Азербайджан

***Аннотация.** Статья посвящена изучению употребляемых в афоризмах некоторых диалектных слов. Был произведён сравнительный анализ этих лексических единиц с другими образцами из диалектов и говоров нашего языка, древних письменных надписей, творчества поэтов-классиков и эпоса «Китаби-Деде Коркут». В результате исследования выявлено, что большая часть диалектных слов, употребляемых в афоризмах, существует в фольклоре, а также в диалектах и говорах нашего языка. В статье произведён этнолингвистический анализ некоторых из этих лексических единиц.*

***Ключевые слова:** афоризмы, диалектная лексика, эпос «Китаби-Деде Коркут», фольклор, этнолингвистический анализ.*

Исследования и анализы, проведенные в современном мире, доказывают, что использование афоризмов в пропаганде духовного мира, морали, мировоззрения каждой нации незаметно. Одной из лексических качеств афоризмов – это использование в них диалектизмов. Другими словами, диалектизмы – это лексико-стильная категория, играющая основную коренную роль в обогащении афоризмов. В нашей статье мы коснёмся сравнительно-лингвистическому анализу диалектных слов, используемых в некоторых афоризмах на азербайджанском языке. Несмотря на то, что диалектные слова потеряли своё общееупотребление в литературном языке, надо отметить их использование в современном диалекте и говоре, другими словами, в каждодневной речи народа. Для полного выяснения сущности вопроса мы считаем уместным дать широкое объяснение диалектному понятию и основной проблеме его своеобразия.

Известно, что диалектные слова не подчиняются нормам литературного языка и являются лексическими единицами, используемыми в разговорной речи народа, проживающего в определённой территории. Надо отметить, что диалектная лексика является одним из важных источников для обогащения словарного состава литературного языка. В связи с этим Н. Худиев пишет: «Диалекты являются материальной основой литературного языка, источником питания, не стоят в стороне звена языковой системы» (Худиев, 1989, 187). А Эльбрус Азизов, обсуждающий тему о качестве диалектов, отмечает, что они являются естественной речью народа, являются своего рода этнографией языка. Изучая диалекты, мы изучаем народ и его историю (Азизов, 2006, 64-78). Наблюдения показывают, что и в современном мире в литературный язык, в художественный язык включаются диалектные слова путем различных стилистических функций. И так, «с одной стороны литературный язык выбирает жизненно важные, значимые слова, используемые в говоре, включает их в свой словарный состав и стремительно обогащает его. С другой стороны, нормы литературного языка входят в местные говоры, и вытесняют их. В результате постепенно исчезает говор и происходит процесс обобщения литературного языка» (Джафаров, 1982, 78-79).

Говоря о развитии и процветании литературного языка с помощью диалектизмов в первую очередь надо отметить более важность этих лексических единиц для художественного стиля литературного языка. «Диалектная лексика такая постоянная база, что им в первую очередь пользуется художественный стиль литературного языка» (Мамедова, 2005, 216). В отличие от других стилей литературного языка в художественном языке нет стильной рамки, и поэтому здесь часто встречается использование диалектных слов. Если подойти со стороны аспекта можем сказать, что диалект и говорные слова активно выступают и в формировании афоризмов, считающихся важной основой художественного языка.

Известно, что Азербайджанский язык является веками формулирующимся языком огузов. С развитием нашего литературного языка элементы языков древних племен со стабилизированной нормой, стали пассивными и укрепились в качестве диалекта. В результате усиления связи между литературным языком и диалектами, а также влияния литературного языка ареал диалектных фактов ограничился. Азербайджанский язык имеет богатую диалектную систему. Отметим, что ареал диалектных фактов широк, даже за границей нашей республики сохраняет свою активность в процессе общения. Эта диалектная лексика является вопросом, связанным с историей нашей нации. Это возникло при миграции турецких племен, сыгравших важную роль в историческом формировании нашего народа и языка. Прошли столетия, но факты диалекта свидетельствуют истории. В изучении темных страниц истории исследование диалектов имеет большое значение. Диалектная лексика увековечивает в себе прошлое народа, его традиции, быт, образ жизни, хозяйство и этнографию. Все вышесказанные показатели дают нам возможность говорить об афоризмах и взаимном развитии диалектной лексики. То есть без сомнений можем сказать, что наш диалект и говор являются необходимой и уместной основой в формировании афоризмов, являющихся одной из отраслей нашей истории. В нашей статье в ряде исследуемых нами афоризмов мы сталкиваемся со следами богатой диалектной лексики.

На данный момент одним из интересных афоризмов, используемых в народе выражение «İt də bir ərrəx boşludu». Прежде чем анализировать диалектное слово отметим что, выражение – «hədsiz borcu olan, çox kasıb və eyni zamanda bir qədər də özündən razı» – не о людях. Используемое в примере лексема «ərrəx» является одним из слов, перешедших в пассивный фонд нашего литературного языка, используемых в широком кругу диалектом и говором как синоним слова хлеб и имеющим древний исторический корень. В современном мире, используемое в Нахчыване, Дербенде, Агдаме, Шеки, Зенгиране, Евлахе, Чамбараке, Геокчае, Геранбое, Огузе и других районах в форме диалекта и говора с различной фонетической основой, но в основном однозначное слово является лексической единицей, имеющей тюркскую основу. Итак, это слово использовалось в Нахчыванском диалекте и говоре как ərrəy//ərbəx (Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti, 1999, 175; Azərbaycan dilinin Naхçıvan dialektoloji lüğəti, 2017,132), в Агдамском, Зенгиранском, Огузском говоре ərbəx (Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti, 1999, 175-176), в Дербентском диалекте ərbeg (Azərbaycan dilinin Dərbənd dialekti, 2009, 280), в Древнем тюркском словаре ермак//етмак (Древнетюркский словарь, 1969, 175), в произведении М. Кашгарли “Divani lüğət-it-türk” əbək//ərmək//ətmək (Kaşğarlı, 2006, 167, 184, 203), в диалекте туркменского языка ермек (Аразкулыев, Ата-ныязов, Бердиев, Сапарова, 1977, 211), в эпосе «Китаби – Деде Коркуд» etmek//etmeg//etmeg. “...Geldük ol-kim niçe söyler isen bayağıdur: Öte yazıdan yabandan bir odlu konuk gelse, er adam ivde olsa, ana dise ki: Tur etmek getur yiyelüm, bu da yesün dise, pişmiş etmegün bakası olmaz yemek gerekdür...” (Zeynalov, Əlizadə, 1988,77). В современном турецком языке и его диалектах эта лексическая единица используется в таких фонетических вариантах – екмек//ермек//ерпек (Caferoğlu 1995, 278). Ряд исследователей, обосновав вариант екмек, связывают эту лексему с глаголом “əkmək; əkib-becətmək” (посадить, вырастить). Наряду с этим в народе используются такие афоризмы как “İt ərrəyə həris olar, uşaq məhəbbətə”, “Ərbəyi diz üstədi” и др. В каждом из них мы видим использование лексического синонима слова çörək и находящегося в пассивном фонде литературного языка слово ərrək.

Другими словами, даже несмотря на потерю своего постоянного использования слова эррэк в нашем литературном языке в некоторых тюркских языках, в особенности современном турецком оно оставило качество всеобщего использования и имеет широкий ареал.

Во время исследования афоризм “Ağa gətirər navala, xanım tökər çuvala” тоже интересен и привлекает внимание. Слово navala из афоризма, сформированного в виде повествовательного предложения, в некоторых диалектах и говорах Азербайджанского языка, в том числе Джульфы, Мингячевира, Огуза (*Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti*, 2003, 412-413), было использовано в понятии как ячменевая мука, корм, изготовленный из ячменной муки для скотины. Интересно, что в народе, в особенности в Нахчыванском регионе существует лексема хлеба-naval, изготовленного мукой эррәу-агра. Объяснение этому следующее – «Съев ячменный хлеб нельзя далеко ехать. То есть нельзя пройти даже овраг».

Интересно, что и по сей день в народе животных таких как собака, кошка, осел путают с бараном, козлом и похожими животными, как будто, чтобы выйти сухим из воды часто используют выражение “İrax qurban tükündən”. Другими словами, несмотря на то, что лексема irax имеет место в пассивном фонде литературного языка, все-таки используется в народе, диалектной лексике. После сравнительных исследований и наблюдений мы замечаем использование этого слова в турецком ареале, различных древних рукописных памятниках.

Итак, мы часто становимся свидетелями использования лексемы irax//irağ как в эпосе «Китаби – Деде Коркуд», так и в классических литературных примерах.

İrağından yaxından bəri gəlmiş,
İgidlərin zərbin görgil (Зейналов, Ализаде, 1988, 321)
Olmaya kim pir qatında,
Səni edə irax bir söz (Физули, 1988, 321)

Слово в диалектах узбекского языка iogok, на каракалпакском dirak, ойротском irak используется в одинаковом смысле.

В исследуемых азербайджанских афоризмах одним из интересных является следующее: “Buğdasın sütün uyuən xırmanda aj qalar”. Используемое в этом афоризме слово sütün в ордубадском диалекте используется также, в понятии «посев, находящийся в созревании» (*Azərbaycan dilinin Naxçıvan dialektoloji lüğəti*, 2017, 252), а в шахбузском говоре в одинаковом фонетическом содержании как “odda ütölmüş sünbül” (*Azərbaycan dilinin Naxçıvan dialektoloji lüğəti*, 2017, 251). Например: “biğdəni sütün yəndə ləzətdi olr”. Если будем полагаться на смысл в диалектной лексике, то можем сказать, что понятие «Buğdasını yetiştədən, vaxtından əvvəl uyuən qışda ac qalar» является главным смыслом, отразившимся в афоризме. Надо отметить, что мы видим использование слова sütün (недозрелый) в новых смыслах, используемых в различных диалектах и говорах как, например sütünçay (недозрелый чай) – только заваренный, sütünpencər (недозрелая зелень) – прорастающая зелень. Даже не случайность, что слово, в нашем диалекте расширив свой ареал использования в сказанном, – “sütün uşax-yenicə boya-başa çatmış, yeniyetmə uşaq” – которое связано с человеком приобрёл возможность выражения.

Одним из афоризмов, вызывающих интерес и на данный момент, используемый среди народа это – “Boz adamda həyat olmaz” или “Boz bozluğun göstərir”. Отметим, что лексическая единица boz встречается в исследуемых диалектах и говорах в одинаковом фонетическом составе, но в схожих и отличительных смыслах. Итак, на азербайджанском языке в Бакинском диалекте и говоре Сальянского района boz (*Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti*, 2007,62) означает бесстыдный. Например: Bozun ya:nda dayanmışdı – Стоял рядом с бесстыдным.

Интересно, что в наших современных диалектах и говорах мы встречаем глагол bozarmaq, выражающий понятие “özündən böyüyün və ya valideynin üzünə qaummaq” – «противоречить старшему или родителю». Например: Mə:m üzmə niyə kin bozarsan? Или выражение, используемое в народе – “boz – boz danışmaq – kobud və ya lovğa danışmaq” – «говорить хвастливо». Например: Gəl sən mənimlə boz –boz danışma bala.

Обобщив все смыслы, можем сказать, что слово boz, используемое в афоризме может

характеризоваться как вульгарная лексема нашего диалекта и говора. Естественно, что здесь мы не должны забывать факт, выражающий цветочное значение. Потому, что это в одно и то же время в нашем литературном языке выполняет функцию своего бывшего понятия, говорит о названии цвета.

Не колеблясь, можем сказать, что мы часто встречаемся с фактом использования слов, касающихся диалектной лексики в афоризмах. А афоризмы, которые мы исследовали, изображают малую часть этого богатства.

Обобщив все сказанные мысли в конце можно отметить, что в нашей статье темой был анализ ряда диалектных слов, играющих коренную роль в формировании афоризмов. Нет сомнений, что используемые такие слова в нашем языке привлекают внимание своим богатством. Обо всем этом говорить в одной статье очень трудно. Все слова, относящиеся к диалектной лексике, и привлечённые в статье к исследованию, имеющие национальный корень составляют одну из важных частей богатой общетюркской лексики. Этнолингвистическое исследование этих слов в аспекте современного языкознания даёт возможность возникновению интересных фактов. Не забудем, что диалектные слова дают свет в исторические корни древнего Азербайджанского языка и пройденную дорогу развития. Афоризмы, где были использованы эти слова, являются основными носителями нашей национальной культуры, обычаев, памяти народа, этнографии и незаменимыми хранителями национальности.

Думаем, что ведение таких исследований одно из требований дня и важных проблем для нашего языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аразкулыев С., Атаныязов С., Бердиев Р., Сапарова Г. Туркмен дилинин гысгача диалектологик созлуги. Ашгабат: Ылым, 1977, 316 s.
2. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969, 676 с.
3. Azərbaycan dilinin Dərbənd dialekti. Bakı: Elm, 2009, 448 s.
4. Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti. Bakı: Şərq-Qərb, 2007, 568 s.
5. Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti. İki cildə, I cild. Ankara: Türk Dil Qurumu Yayınları, 1999, 661 s.
6. Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti. İki cildə, II cild. Ankara: Türk Dil Qurumu, 2003, 378 s.
7. Azərbaycan dilinin Naxçıvan dialektoloji lüğəti. Bakı: Elm və təhsil, 2017, 304 s.
8. Caferoğlu A. Güney Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1995, 319 s.
9. Cəfərov S.Ə. Müasir Azərbaycan dili. Leksika. II hissə, Bakı: Maarif, 1982, 215.
10. Ergin M. Dede Korkut Kitabı. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1994, 483 s.
11. Əzizov E.İ. Bədi dildə dialektizmlərin yeri // Filologiyanın aktual problemləri (elmi-nəzəri konfransın materialları). Bakı Dövlət Universitetinin nəşriyyatı, 2006, s. 64-78
12. Füzuli M. Əsərləri. I c., Bakı: Azər nəşr, 1988, 581 s.
13. Kaşğarlı M. Divani lüğət-it-türk. Ankara: Türk Dil Kurumu, IV c. 2006, 885 s.
14. Məmmədova N.H. R. Rza və sərbəst şeirin dili məsələsi. Bakı: Elm, 2005, 262 s.
15. Xudiyev N. M. Azərbaycan ədəbi dilinin sovet dövrü. Bakı: Maarif, 1989, 402 s.
16. Zeynalov F. Əlizadə S. Kitabı-Dədə Qorqud. Bakı: Yazıçı, 1988, 265 s.

Материал поступил в редакцию 01.03.19

FEATURES OF THE USE OF DIALECT VOCABULARY IN APHORISMS

F. Valiyeva, Doctor of Philosophy in Philological Sciences
Baku Slavic University, Russia

Abstract. *The article has been devoted to the learning of some dialect lexical used in aphorisms. These lexical units have been comparative investigated with the examples used in ancient written monuments, classic poets, creative works and “Kitabi-Dada Gorgud” epos. Result of the investigation it is proved that majority of dialect words used in aphorisms are exist in our folklore, also in the dialects and accents of our language. In the article, some of those lexical units have been ethnolinguistic investigated.*

Keywords: *aphorisms, dialect vocabulary, “Kitabi-Dada Gorgud” epos, folklore, ethnolinguistic analysis.*

UDC 80

THE EFFECTIVE CLASSROOM MANAGEMENT TECHNIQUES

Kh.F. Huseynova, English Teacher
Azerbaijan University (Baku), Azerbaijan

Abstract. The article “*Effective classroom management techniques*” deals with the importance of classroom management strategies and having class management skills for every instructor. The article also points out the essential techniques that provide students with more opportunities to learn and demonstrate their language skills. Classroom management techniques, such as seating arrangement, TTT & STT, grouping of students, awareness, proximity, building rapport, etc. have been explained in the article. Moreover, the article presents the effective ways of behavior management in class, which is very important for engaging students in the learning process.

Keywords: class management, effective techniques, give instructions, time management.

Classroom management is intended to provide students with more opportunities to gain skills in the learning process. A skillful teacher should know how to motivate students and how to organize class and manage the learning process. Classroom management areas include organizing classroom space, giving instructions, managing time, seating arrangements, setting up group work or individual work, managing TTT (teacher talking time), etc. Successful classroom management also involves being able to deal with difficult situations and to evaluate students' progress.

The physical presence of teachers plays an essential role in management of class environment. The teacher's manner of standing or moving has a different effect on students. **Proximity** is very important in drawing students' attention to class. Teachers need to consider how close they should be to students they work with. For some students, distance is a sign of coldness, while other students feel uncomfortable when the instructor stands and sits near them. **Movement** is an efficient technique in managing class, especially when retaining students' interest and working with smaller groups. **Awareness** is an essential technique of classroom management assessing what students are doing, what they are saying, how they are feeling in class; it also means being flexible to respond appropriately.

Teachers' voice has crucial impact on class management. Depending on the type of the lesson and activity, teachers vary the quality of the voice. The voice must be audible and clear and teachers must be sure if the students at the back hear clearly.

One of the most important techniques of class management is **giving instructions**. There are 2 requirements for it. Instructions must be logical and simple, and it is necessary to avoid long and detailed instructions. The important issue in giving instructions is to check whether students have understood what they are going to do. It can be achieved by asking a student to explain the activity and translate the instruction.

In order to manage the class effectively, teachers need to consider the **TTT (teacher talking time) and STT (students talking time)**. Overuse of TTT is damaging, as it limits the STT, and students can get a less chance to practice language skills during class. Therefore, the best lessons are the ones where STT is maximized and more time is spent on practicing the students' skills.

Classroom **seating arrangement** is as important as the syllabus. The setup of chairs, tables and desks in a classroom can significantly influence the learning process. Some factors such as students' age, students' number, classroom size, learning objectives, teaching style, and distractions are taken into consideration when arranging the seats. Instructors should consider ways to modify seating arrangements with demands of classroom activities in order to conduct the lesson effectively. There several types of classroom seating arrangements: traditional, roundtable, semicircle, double horseshoe, pods, etc.

Types of tasks and activities define the effective **grouping of students** in class. They can work *individually, in groups, in pairs and as a whole class*. Whole class teaching and grouping is dynamic and motivating, by treating everyone as a part of the same group. It teaches students to work as a team in class. Group work and pair work is effective in completing tasks, such as discussing a topic and doing a role-play. Students become more motivated in participating actively in such group works. Individual work creates the sense of independence on students and it allows them to work at their own speed.

One of the best classroom management techniques is to build **rapport** with the audience. If students feel care, respect and attention from their teacher, they will respect the teacher as well. To build better rapport, the teacher should engage students in quick conversations, compliment students on their efforts, show enthusiasm, greet students at the doorway, and provide opportunities for every student to succeed, be available before and after class in case students need a help.

In every teacher's toolbox for effective classroom management, there should be **group projects and tasks for building teamwork**. Students, who work with each other in the classroom, develop more respect for each other. Some students improve their leadership skills, while others get to become more responsible about completing the assignments.

Fun and engagement is one of effective classroom management techniques. Learning is fun, so to excite students with interactive and practical activities makes the learning process more efficient. Students are more likely to concentrate and work hard. For example: Quizalize is a quiz tool, which enables an instructor to test students on any topic or subject with a fun classroom team, game.

One of the most challenging aspects of teaching for many instructors is to manage students' behaviour. The time that a teacher spends on correcting misbehavior caused by poor classroom management skills results in weak academic engagement in classroom. Thus, knowing **effective ways of managing students' behaviour** for each instructor is very essential. Teachers should take the following points into consideration:

- Establishing age appropriate rules and procedures in class
- Having discussions with students about purpose of each rule and procedure
- Walking throughout the classroom during classes to get students' attention
- Managing class time carefully and having extra plans in case you complete early
- Having extra activities available for students in case they are bored
- Praising appropriate behaviour to demonstrate it to the whole class
- Correcting misbehavior of students in a respectful and positive way
- Addressing only student behaviour rather than personal traits.
- Instead of blaming and criticizing disruptive students, explaining why the behaviour is disruptive. For instance; instead of saying "*Don't make a noise, you are disruptive*", try saying "*I lose my concentration when you are talking in class.*"

Creating positive and effective learning atmosphere is crucial. It encourages students to attend classes willingly. Thus, each instructor should have detailed information on the necessary techniques stated above. Effective classroom management strategies take time and hard work because not every student can respond positively to these techniques and ideas. However, through consistency, an experienced instructor can create a positive learning atmosphere.

REFERENCES

1. J. Harmer, 2007, "How to teach English", Essex, Pearson Education Limited, 6th Edition
2. J. Scrivener, 2011, "Learning teaching: The Essential Guide to English Language Teaching", Oxford, MacMillan Publishers Limited, 3rd Edition
3. J.M. O'Malley, A.U. Chamot, 1990, "Learning strategies in second language acquisition" Cambridge, Cambridge University Press
4. Levin, J. & Nolan, J., 2007, "Principles of classroom management: a professional decision-making model", New York, Pearson Education
5. Merret, D. & Wheldall, K., 1990, "Positive teaching in the primary school." London, Liverpool, Pail Chapman Publishing
6. Muijs, D. & Reynolds, D., 2011, "Effective teaching. Evidence and practice", London, 3rd edition
7. P. Ur, 1991, "A Course in Language Teaching", Cambridge, Cambridge University Press
8. T. Lynch, 1996, "Communication in the Language classroom", Oxford, Oxford University Press.

Материал поступил в редакцию 23.04.19

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ КЛАССОМ

Х.Ф. Гусейнова, преподаватель английского языка
Университет «Азербайджан» (Баку), Азербайджан

Аннотация. Статья «Эффективные методы управления классом» описывает методы управления классом и подчёркивает важность использования этих методов на языковых занятиях. В статье обсуждаются важные способы управления аудиторией, которые помогают студентам развивать языковые навыки. В статье также отмечаются такие эффективные методы управления как *seating arrangement* (порядок рассадки), *TTT&STT*, *grouping of students* (формирование групп), *awareness* (осознание), *proximity* (близость), *building rapport* (построение взаимоотношений) и т.д. Кроме того, указываются способы работы со студентами, нарушающими дисциплину во время занятий.

Ключевые слова: управление классом, эффективные методы, давать указание, управление временем.

УДК 80

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЩЕПРИНЯТОЙ ФОРМЕ ПРОИЗНОШЕНИЯ

П. Джафарова, старший преподаватель
Азербайджанский университет языков (Баку), Азербайджан

Аннотация. При нормативном произношении долгие гласные не сохраняют свою полную долготу и смещаются к центру вокальной полости. Фонема /j/ опускается при следующих согласных /r, s, θ, V/, но обычно сохраняется после /n/. В общей форме, в которой появляются /tj/ и /dj/ и становятся аффрикатами /tʃ/, /dʒ/. Изменения часто имеют место при нормативном произношении и в результате стандарты произношения слабеют. Основной причиной этих изменений является тот факт, что язык постоянно развивается и появляются новые тенденции. Именно поэтому перед лингвистами стоит задача выявлять и исследовать эти изменения.

Ключевые слова: общепринятая форма произношения, изменение гласных, аллофон, система согласных, выпадение /j/, интрузивный /r/, глотал стоп

Существуют несколько названий для описания стандартного английского языка: общепринятое произношение (Received Pronunciation), королевский английский язык (Queen's English), английский язык БВС (BBC), оксфордский английский. Д. Кристал, Дж. Уеллс, П. Траджил, Дж. Уптон всесторонне изучали особенности изменений в общепринятом произношении английского языка (RP). Дж. Уеллс в своих исследованиях предлагает три критерия, которые следует учитывать при определении общепринятой формы произношения: [10, р. 20]

1. Первый критерий определения общепринятого произношения – это **социолингвистика**. Общепринятое произношение присуще речи верхней прослойке социальной шкалы. Королевская семья, средство массовой информации (например, Би-би-си) предпочитают общепринятое произношение. Эта форма произношения является атрибутом не только высшего класса, но среднего класса и образованных людей. Демографические изменения показывают, что количество образованных людей изменилось в последние 50 лет [7, р. 21]. Если раньше они составляли 7 % населения, то сейчас это 35 %. Значит, продолжается расти количество людей, говорящих на принятом произношении английского языка.

2. Дж. Уеллс считает, что второй способ определения общепринятого произношения – это принцип **идеальности** [10, р. 21]. Люди сами определяют, какая форма произношения идеальна и удобна. Образованный шотландец, ирландец или житель Лондона при выборе формы произношения опирается на этот принцип. Но в определении норм произношения наблюдаются разногласия. И это оставляет сомнения в правильности этого фактора.

3. **Изучение английского языка как иностранного** является третьим критерием определения общепринятого произношения. Какую форму произношения должны осваивать люди, изучающие английский язык? Какая форма произношения слова должна быть в учебниках и в словарях? Что можно записывать и снять на видео? Д. Джоунс определял норму на основе своего произношения. С тех пор прошёл век, произошли изменения, появились новые тенденции.

Употребления произношения, принятого в первой половине XX века (Received Pronunciation). Этот период считается стабильным для общепринятой нормы произношения. У этой нормы был статус «Хорошего английского», и на его основе были напечатаны много книг.

Следует отметить, что в XIX веке не были напечатаны словари, основанные на произношении. Ученые использовали словарь Волкнера, относящейся к 1791 году. Универсальный словарь английского языка, «Фонетический словарь английского языка» и «Оксфордский

английский словарь», составленный Уайлдом, Мюрреем и Джоунзом положил конец этой проблеме.

Д. Джоунс был лидером фонетики в Англии XX века. Несмотря на то, что он получил научную степень по математике, интересовался языками и проводил исследования в области произношения. В 1917 году он выдвинул теорию фонемы и разработал теорию описания гласных. Имя Д. Джоунса ассоциируется с нормой произношения. Он был членом Международной Фонетической Организации, а в 1950-67 г его президентом. Потом в 1922 году создание Би-би-си (BBC) была почвой для формирования нейтрального акцента. Модель Д. Джоунса считалась лучшей моделью для ББС.

Роль принятой нормы произношения во второй половине XX века. В послевоенный период и после распада Британской империи произошли изменения в политической системе, в системе образования и здравоохранения. Наблюдалось социальное пробуждение и появление диалектологические словари (Joseph Wright “English Dialect dictionary”) развивали английский национализм. Люди чувствовали красоту английского языка со всеми ее оттенками и изменился статус литературной нормы произношения.

Эти изменения внедрялись в процесс обучения в частных школах. В отличие от государственных школ в частных школах не очень строго соблюдались нормы произношения. По их мнению, главная цель не произношение, а профессионализм. Несмотря на это, А. Хуг и П. Траджилл в книге «English Accents and Dialects» [5] передвигали на передний план общепринятую форму произношения. Дж. Милрой также не принимал полное изменение общепринятого произношения [6, p. 12] и считал, что в школах в годы обучения дети должны овладеть навыком правильного общепринятого произношения. А. Хаг и П. Траджилл отмечали, что только 3 % населения при общении используют литературную норму произношения [5. p. 21]. Дж. Уеллс более оптимистично относился к этому вопросу и полагал, что их количество составляет 10 % [10, p. 32].

Литературная норма произношения в XXI веке. Дж. Бейл считает, что в рамках правильного произношения все еще существует норма общепринятого произношения (RP), но с XVIII века эти нормы в некотором смысле изменились. Больше наблюдаются фонетические и фонологические изменения. Некоторые лингвисты согласны с тем, что изменилось содержание общепринятой нормы произношения, потому что язык динамическая система общения и оно определённым образом подвергается модификации. Такие лингвисты как А. Гимсон, С. Рамсаран, П. Траджилл, К. Аптон, Дж. Милрой и Дж. Уеллс принимают тот факт, что устарела концепция общепринятой нормы произношения и эта концепция должна соответствовать реальности.

Эстуарский английский язык был разработан впервые в 1984 году Д. Роузварном. «Эстуарский английский язык – это видоизменённая форма региональной речи, которая является смесью нерегионального и местного южно-восточного английского произношения и интонации» [7. p. 34]. Этот акцент существует уже давно и Д. Роузварн считает, что он включает в себе общепринятую норму произношения и диалект Кокни. Эстуарский английский язык нормально воспринимается журналистами и преподавателями иностранного языка.

Языковеды начали исследовать эстуарский английский язык после того как Дж. Уеллс создал в 1990 годах веб-страницу об этом новшестве. Но они выступают против терминов и понятия в целостности. По мнению Дж. Уеллс, П. Траджилл и Кериул, это не новый акцент, и он берет своё начало от Лондона. Лингвисты спорят также о его названии [10, p. 134]. П. Траджилл радикально относится к термину и пишет: «Несмотря на то, что широко принято употребление термина эстуарский английский язык, это неподходящий термин, потому что может показаться, что речь идёт о новом термине, но на самом деле это не так» [5. p. 34].

Вторая главная сторона критики в том, что не формировалось конкретное мнение об эстуарском английском языке. Д. Роузварн и Д. Кристал считают, что это разнообразие речи, П. Траджилл называет его группами говоров, а медиа оценивает его как версию или форму языка.

Итак, литературная норма произношения (RP) в отличие от эстуарского английского языка это строго кодированной и принятой людьми говор. А эстуарский английский считается региональным и модным говором.

Общепринятая норма произношения (RP) в процессе изучения английского языка. Английский язык является глобальным языком, и основным изучаемым иностранным языком во всём мире. Несмотря на то, что в Британии очень мало людей используют общепринятую норму произношения, это норма считается моделью в изучении английского языка как иностранного. При обучении английскому языку как иностранного невозможно учитывать все разные варианты и диалекты. Студентам должна предлагаться только одна, легко воспринимаемая форма. Общепринятая норма произношения – это общепринятый говор, ее можно слышать в эфире, любой обучающий материал преподносится на этой форме произношения, и соблюдающие эту норму считаются грамотным. Но не стоит учить традиционный говор, который относится к XVIII веку и сегодня почти не употребляется. Поэтому это удивительно, что в некоторых книгах, учебниках и словарях все еще используется эта норма, и не учитываются фонологические изменения. К. Аптон отмечает, что не обращается внимание на фонологию в изучении английского языка [8, p. 12]. Для сравнения берём шестое издание словаря “Oxford Advanced Learner’s”, который относится к 2000 году. В словаре произношение слов *trap*, *price* или *square* основывается на традиционной транскрипции и даётся как /træp/, /praɪs/, /skwɛə/. Но К. Аптон утверждает, что форма произношения данных слов изменилась, они произносятся как /trap/, /praɪs/, /skwɛ:/ [8, p. 12] Люди иногда думают, что не следует постоянно менять словари произношения. Но это часто употребляемые студентами словари и нуждаются в доработке.

Изменения в общепринятой норме произношения по Клайву Аптону. К. Аптон диалектолог, социолингвист и советник по фонетике издания Оксфордского университета. Целью К. Аптона не является создание новой модели общепринятой нормы произношения. Потому что эта модель уже принята и широко применяется в процессе преподавания английского языка. Целью является обновление старой модели.

Новые тенденции в системе гласных. Если посмотреть систему гласных общепринятой нормы произношения Клайва Аптона, то можно наблюдать значительные изменения в реализации гласных фонем. Главные изменения происходили в количественно-качественном плане. В его новую систему включены также новые гласные. Главная проблема была найти для них подходящие символы. Для этого он использует новые символы [8, p. 240].

Одна из новых тенденций в принятой норме произношения это более «низкое» произношения передних гласных. Например, в произношении слов «DRESS» наблюдается /e>ɛ/, в слове «TRAP» звук /æ/ заменяется более открытой /a/. Это произношение появилось в связи с северным говором, но сейчас характерно для поколений среднего возраста, предпочитающих принятую норму произношения. Закрытое произношение характерно для старшего поколения, принадлежащих высшей прослойке, включая королевскую семью. Если внимательно слушать программы ББС, то можно наблюдать более открытое произношение звука /a/ в вспомогательном глаголе *have* в настоящем совершенном времени. И так, такая форма произношения превосходит других. По мнению К. Аптона, причиной таких изменений является влияние нестандартных британских говоров на общепринятую норму произношения.

По мнению Дж. Уеллса, эта особенность литературной формы произношения отличает его от американского и южных диалектов (в этих диалектах /æ/ произносится долго, а иногда как дифтонг) [10, p. 291]. Это явление прошёл долгий исторический путь развития: древнеанглийский звук /æ/ превратился на /a/ в английском языке средних веков, а в раннем современном английском языке опять произносился как /æ/ и не влиял на северное произношение. В XXI веке наблюдается произношение в форме /a/. Невозможно представить дальнейший путь развития этих изменений [10, p. 291].

BATH /ɑ:/>/a/. В таких словах, как *bath*, *path* или *last* /a/ произносится на Севере как /a/, а на Юге как долгое /ɑ:/. К. Аптон основываясь на принципе неместного произношения,

в своей системе отмечает краткое /a/ как вариант долгого /ɑ:/. Невключение краткого /a/ в новую модель является главным отличием северного диалекта от традиционной литературной нормы. По К. Аптону, /a/ присуще принятой норме произношения, и причиной этого является тенденция централизованного и краткого произношения долгих гласных [8, p. 244].

Price /aɪ/ >/aɪ/. В словах *price*, *nice* или *horizon* новая реализация дифтонга изменилась в таком направлении, что он от своей централизованной передней позиции перешёл на централизованную полуоткрытую заднюю позицию /aɪ/. Эта форма произношения впервые употреблялась в книге “In the Teaching of Pronunciation” (1978) Мак Карти, а потом А. Крутенден тоже принял ее [2, p. 112]. К. Аптон включал реальный символ звука, который употребляется и сегодня [8, p. 21]. Дж. Уеллс считает, что полуоткрытый звук /aɪ/ присущ жителям южных деревень Англии и поэтому его не следует включить в литературную норму произношения. В Оксфордском словаре английского языка произношение таких слов даётся через /aɪ/ [10, p. 149].

Square /εə/ >/ε:/- В таких лексически схожих словах, как *force* процесс превращения дифтонга /εə/ на /ε:/ наблюдается в словах типа *square*, только здесь этот дифтонг произносится мягче. По К. Аптону, в оригинальной литературной норме центральный дифтонг на данный момент произносится как долгий полуоткрытый монофтонг [8, p. 125]. Он утверждает, что его старая форма меньше наблюдалась в произношении сложных существительных, например, в слове *hairpiece*. Но теперь это особый элемент общепринятого произношения.

Cure /ʊə/ >/ɜ:/ Другая особенность показывает себя в произношении центральной дифтонговой фонемы /ʊə/ в таких словах, как *cure*, *sure*, *tour*. Этот фонем до сих пор используется говорящими на традиционной форме произношения. Но К. Аптон на данный момент использует монофтонг /ɜ:/. Он основываясь на мнение А. Крутендена, утверждает, что такие лексически схожие слова как *cure* уже не произносятся как дифтонг.

Дж. Уеллс тоже принимает долгое произношение /ɜ:/ и отмечает, что сейчас дифтонг /ʊə/ меняется на /ɜ:/ [10, p. 162].

Тенденции в системе согласных. Три вопроса, которые отличают традиционную фонологию от современных тенденций английского произношения и привлекают внимание: глоттализация, слияние или выпадение связывающих интрузивных /r/ и /j/.

Глотал стоп. Глотал стоп /ʔ/ произносится при вокальном переходе, где поток воздуха встречается с препятствием. Глотал стоп может употребляться вместо разных фонем, но в новой общепринятой норме произношения внутри слога он воспринимается как аллофон /t/. Глотал стоп не является новым вариантом, он долго употреблялся в разных говорах Британии. Дж. Уелс [10, p. 35] считает, что это явление связано с диалектом Кокни и не должно внедряться в литературную норму произношения. Но со временем этот стереотип считался неправильным. Сегодня глотал стоп широко употребляется.

О глотальном местоизменении говорил еще в 1920 годах Д. Джоунз. Он отмечал, что в дальнейшем все будут произносить определённые слова, используя глотал стоп [3, p. 116].

Дж. Уеллс тоже подтверждая слова Д. Джоунса, пишет, что некоторые формы глоттализации не воспринимаются как говор Кокни. Например, *bottle* /bɒʔl/. Но существуют некоторые формы произношения, где глоттализация неизбежна. Например, *quite good* /kwaɪʔɡʊd/, *quite likely* /kwaɪʔlaɪkli/, *curtsey* /kɜ:ʔsi/ или *quite easy* /kwaɪʔi:zi/ [10, p. 57]

И так, глоттализация является частью литературной формы произношения, и преподаватели должны об этом говорить своим ученикам, чтобы они лучше понимали суть этого явления, и чтобы произношение было оригинальное.

Связывающий и интрузивный /r/. Связывающий /r/ используется в случае, когда в конце слова идёт непроезносимое /r/ и после него стоит слово, начинающее с гласного звука. Например, *far away* /fa:r ə'weɪ/. Связывающий /r/ был особенностью произношения, которая исторически использовалась в английском языке. Несмотря на то, что эта особенность потом вышла из употребления, сейчас в некоторых позициях проявляет себя и помогает говорящему заполнять пустоту в произношении. Эта тенденция никогда не отрицалась и не были споры по поводу такого произношения. Из-за того, что в письме существовал графический знак

этого звука, его произношение считалось приемлемым.

Интрузивное /r/ требует другого подхода. Это произношение несуществующего в алфавите звука /r/. Например, *tuna oil* /'tu:nəʊɪl/. /r/ соединяет слова, заканчивающиеся на /ɑː, ɔː, zː, ə/ со словами, начинающимися с гласного. Он может соединять два слога в составе слова. Например, /drɔːrɪŋ/.

В традиционной норме такое произношение считается признаком безграмотности. Так как, не считается правильным произношение звука, у которого нет графического обозначения. Изучающие английский язык как иностранный, в отличие от носителей данного языка, уклоняются от интрузивного /r/ и легче усваивают соединительную /r/. Это потому, что в алфавите есть /r/, и прежде, чем говорить, они учатся писать. Носители английского языка, наоборот сначала говорят, а потом уже пишут на родном языке и поэтому могут легко воспринимать другие варианты произношения, потому что, они запоминают то, что слышат.

Итак, в последнее время наблюдается положительное отношение к интрузивному /r/. Причиной внедрения его в новый вариант общепринятой нормы произношения является то, что он облегчает произношение, выполняя функцию связывающего /r/. К. Аптон утверждает, что говорящие на литературной норме произношения не соблюдают правила произношения, они произносят слова плавно и свободно, легко заполняют пустоту [8, p. 45] Несмотря на то, что интрузивный /r/ не включён в учебники английского языка как иностранного, К. Аптон напоминает о нем в книге “The Oxford Dictionary of Pronunciation for Current English” (2001-2003).

Слияние /j/ и его выпадение. Слияние /j/ – это форма соединения, которое наблюдается преобразованием таких звуковых соединений, как /dj, tj, sj zj/ в /dʒ, tʃ, ʃ, z/. По К. Аптону [8, p. 81], в традиционной форме произношения в начале слова (например, Tuesday /'tjuːsdeɪ/) или в предударных позициях (например, dune /'djuːn/) это не происходит. Но в современном произношении это звучит как /tʃuːsdeɪ/ и /'dʒuːn/.

Дж. Уеллс считает, что соединение /j/ существует в повседневной разговорной речи, показывает себя в элизии гласных и согласных (Например, last year /lɑːʃjə. Здесь пропущено /t/), но он не принимает его как правильную форму произношения [10, p. 76].

Выпадение /j/ встречается в основном в позициях, где этот звук находится перед /uː/. Например, *suit* /suːt/ или *lute* /luːt/.

Как мы видим, в общепринятой норме произношения наблюдаются некоторые новые тенденции и изменения. Причиной этого является постоянное динамическое развитие языка. Общепринятая норма произношения должна составлять основу правильного произношения, но со временем нуждается в доработках и исправлениях. Именно поэтому перед лингвистами стоит задача выявлять и исследовать эти изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beal J. English in Modern Times. London UK: Arnold, 2004.
2. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. London, 2008.
3. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995.
4. Jones D. An Outline of English Phonetics, Cambridge University Press, 1976.
5. Hughes A. and Trudgill P. English accents and dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of British English. London, 1997.
6. Milroy J. and Milroy, L Authority in Language: Investigating Standard English. London, Uk: Routledge, 1999.
7. Rosewarne D. Estuary English. Times educational supplement, 19 October 1984.
8. Upton C. Received Pronunciation. In Clive Upton and Bernd Kortmann, Varieties of English: The British Isles. New York, USA, 2008.
9. Veysælli F. Dil, Təhsil, 2007.
10. Wells J.C. Accents of English, Cambridge University Press, 1982.

Материал поступил в редакцию 01.05.19

NEW TENDENCIES IN RECEIVED PRONUNCIATION

P. Jafarova, Senior Teacher
Azerbaijan University of Languages (Baku), Azerbaijan

Abstract. *The article deals with the study of some phonetic changes in the Modern English language. In Received Pronunciation long vowels do not keep their full length and tend to move to the center of the vocal cavity. The phoneme /j /-is dropped following the consonants /r, s, θ, l/, but it is generally retained after /n/. In coalesced forms in which /tj/ and /dj/ merge and become affricates /tʃ/, /dʒ/. As it is seen, variability happens in RP and as a consequence, pronunciation standards weaken. The most important reason for these changes is the fact that the language develops and new tendencies are inevitable.*

Keywords: *Received Pronunciation, vowel change, allophone, consonant system, /j/ dropping, intrusive /r/.*

УДК 811.161.1'367.634

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУР СО СКРЕПОЙ В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ

Н.Ю. Пилюгина, аспирант кафедры русского языка и литературы
Дальневосточного федерального университета (Владивосток), Россия

Аннотация. В статье рассматриваются семантические разновидности текстовых структур, оформленных скрепой в любом случае. Анализируются особенности сферы действия скрепы, специфика наполнения левого и правого контекста, отношения между ними. На основе различных типов взаимодействия ситуаций левой части выделяются основные семантические модификации текстовой конструкции, обозначенной скрепой в любом случае. Семантика структур характеризуется участием коммуникативно-прагматического фактора: скрепа маркирует модальность необходимости и категоричность высказывания. Кроме того, в результате анализа типичных контекстов для скрепы в любом случае устанавливается функция мета-оператора в газетном и научном дискурсе.

Ключевые слова: текстовая конструкция, текстовая скрепа, синтаксис, семантические модификации, текстовая функция.

В фокусе внимания современных исследований по семантическому синтаксису находятся единицы, специализирующиеся на формальной организации конструкций: как внутри предикативной единицы, так и в структуре текста. Терминологический статус данных единиц по-разному определяется исследователями – применительно к ним применяются термины релятив (Ляпон М.В.), функтив (Черемисина М.И.), коннектор (В. Дресслер, Инькова О.Ю., Кобозева И.М. [5]), текстовая скрепа (Прияткина А.Ф. Стародумова Е.А. [4]) и др. Наличие множества терминов и подходов к описанию таких явлений говорит, с одной стороны, о том, что исследование скреп представляет собой живой, развивающийся процесс в науке, а, с другой стороны, свидетельствует о сложности и многоаспектности функционирования самого объекта исследований: при описании такого рода единиц нельзя ограничиться только структурным подходом, необходимо обращаться к семантическому анализу и учитывать коммуникативно-прагматические факторы, так как кроме формальной организации скрепы обладают дискурсообразующими свойствами.

Текстовые свойства сочетания *в любом случае*, которое мы на основе функционального критерия относим к классу текстовых скреп, уже были описаны нами ранее [3]. Цель данной статьи – описать некоторые семантические типы структур, характерные для скрепы *в любом случае*.

Объектом нашего внимания являются текстовые синтаксические построения, состоящие из нескольких пропозиций, отношения между которыми организуются, квалифицируются и конкретизируются сочетанием *в любом случае*. Исследователями дальневосточной синтаксической школы применительно к таким структурам был использован термин текстовая конструкция [6].

Анализ фактического материала проводился на базе данных Национального корпуса русского языка [2], всего проанализировано около 800 контекстов употребления сочетания *в любом случае* в текстовой функции.

Семантическую структуру текстовой конструкции со скрепой *в любом случае* рассмотрим на примере: «Дедуля моей избранницы занимал в былое время пост. Я не вдавался в род его деятельности, но чистки партийных рядов его миновали, **может, потому что вел**

себя аккуратно, а может, и сам ретивость разумную проявлял. В любом случае уберёгся и квадратные метры сохранил, тихо скончался в пору брежневской реабилитации эффективных сталинских управленцев, а жилплощадь дочери оставил. [Александр Снегирев. То самое окно // «Дружба Народов», 2014]». Текстовая структура скрепы в любом случае включает 3 ситуации: 2 в левом компоненте структуры и 1 в правом посттексте. Ситуации левого предтекста представлены альтернативными предположениями-возможностями (МОЖЕТ ПОТОМУ ЧТО, ... А МОЖЕТ...), скрепа в любом случае маркирует третью ситуацию 'уберегся и квадратные метры сохранил', которая развилась на фоне альтернатив предтекста, но напрямую от них не зависит. Ситуации левого контекста не являются достаточным основанием для ситуации, обозначенной скрепой, таким образом, между левой и правой частями текстовой конструкции оформляются альтернативно-противительные отношения [1, с. 137].

Кроме этого, семантика скрепы в любом случае позволяет ей быть средством выражения модальности необходимости и коммуникативно-прагматической категории категоричности: ситуация правой части обозначена как обязательная и единственно возможная.

По типу отношений между альтернативными ситуациями левого контекста и в соответствии с различными **формальными средствами выражения** этих отношений можно выделить следующие семантические модификации текстовых конструкций:

1. Ситуации противопоставлены, взаимоисключены (формальное выражение через собственно разделительные союзы (А, ЛИБО ЛИБО)). Данная семантика противопоставления поддерживается участием антонимической лексики: [№ 8, муж] А если некое лицо / понимая / что правила будут приняты и затруднят дальнейшие его эффективные отношения с властью / даёт деньги на то / чтобы эти правила не были приняты? Это коррупция или лоббирование? [№ 1, муж] № 1. В любом случае это коррупция / потому что он нарушает действующий закон. [№ 4, жен] [Дискуссия об органах местного самоуправления // Интернет, 2001-2004]; [№ 6, муж] Если хозяину отдашь / то он будет либо сельское хозяйство развивать / либо строить завод какой-то. В любом случае пустырь не будет. [№ 3, муж] В любом случае им сельхозземли не продадут. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003]».

2. Ситуации равнозначны, вариативны. В левой части может быть множественность ситуаций, маркированных повторяющимися союзами ТО ЛИ, ...ТО ЛИ, ЛИ, ... ЛИ, ИЛИ, ... ИЛИ, аналогами союзов МОЖЕТ БЫТЬ, ВОЗМОЖНО и др.: «Последний клип МС Анюты «Янукович молодец» («Мы не вступили в ЕС») набрал больше сотни тысяч просмотров. Треку свойственна та же амбивалентность, что и всему творчеству МС Анюты: **непонятно, то ли она издевается над Януковичем** («Дядя Витя — умный парень, видимо, он понимает...»), **то ли одобряет его** («...спас от ЕС, ибо был бы капец»). **В любом случае трек сделан с юмором, и, вероятно, все-таки преднамеренным.** [Наталья Зайцева. Анюта Длинный чулок // «Русский репортёр», 2014]».

3. Альтернативные ситуации левого контекста оформлены вопросами о причинах ситуации в посттексте (может быть эксплицирована только одна догадка); семантика конструкции — 'категоричность на фоне неуверенного предположения': «**Не понравились его холдность и отстранённость. Она и Воронову пригласила в кафе, чтобы выяснить, не идёт ли игра помимо или против неё. Может быть, ей все почудилось?** **В любом случае спешка неуместна.** Сейчас надо вернуться в кафе и доиграть сцену с политической гостьей. [Мария-анна Баконина. Девять граммов пластика (2000)]».

4. Ситуации расположены по нисходящей/нарастающей значимости (градация), участвует лексика и союзы градационной семантики. Ситуация, обозначенная скрепой, становится вершиной нарастания напряжения ситуации: «[Сергей Лавров, муж] Это и ситуация в Боснии и Герцеговине. И в целом согласен/ что развал Югославии был весьма и весьма неоднозначным событием. Был в значительной степени обусловлен ошибками/ которые совершались внутри страны/ но и в немалом/ в немалой степени произошёл под воздействием внешних факторов/ которые влияли на ситуацию. В любом случае это

было событием/ которое противоречило духу и букве Хельсинского Заключительного акта/ принципам ОБСЕ/ да и вообще/ когда одна сторона/ некто/ одни страны ОБСЕ бомбили страну/ которая также являлась членом ОБСЕ. Противоречит всем мыслимым и хорошо известным принципам этой Организации/ записанным в документах/ принимавшихся на высшем уровне. [Ежегодная пресс-конференция С.В. Лаврова (2013)]».

Отдельной семантической модификацией текстовых структур с в любом случае являются высоко стереотипизированные контексты, характерные для научного и газетного дискурса: вывод и суждение правой части производятся на основе рассмотрения различных точек зрения, изложенный в левой. Наряду с другими мета-показателями авторизации (*по мнению...*, *по версии ...* и т.д.) скрепа в любом случае выполняет роль мета-оператора, который, с одной стороны, является средством оформления цельности, внутренней организованности таких контекстов, с другой стороны, сигнализируют о стремлении автора дать независимую, объективную оценку на фоне аналитики, рассмотрения существующих точек зрения. При этом суждение-вывод правой части представляется отвлечённым от собственной точки зрения автора, выражен как обобщённое знание-мнение или факт: **«По официальному сообщению, в посёлке находилась база боевиков и заблаговременно здесь было арестовано 30 человек. Между тем в некоторых СМИ сообщается, что в указанном районе после мероприятий по проверке паспортного режима задержано 100 "кавказцев". В любом случае работа наших правоохранительных органов остаётся окутанной тайной».** (Армен Уриханян. *Пояс зла возле столицы (2003) // «Время МН», 2003.07.26*)».

В результате можно сделать вывод о том, что текстовая скрепа в любом случае обладает не только богатым функциональным потенциалом в оформлении различных семантических типов текстовых построений, но и коммуникативно-прагматическими характеристиками, позволяющими скрепе быть активно используемой говорящими в создании различных типов дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляпон, М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений / М.В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 447 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpota.ru>.
3. Пилюгина, Н.Ю. Текстовые функции фразеологизированных сочетаний (на примере сочетания «в любом случае») / Н.Ю. Пилюгина // *Litera*. – 2017. – № 3. – С. 38–46.
4. Прияткина, А.Ф. Текстовые скрепы в словаре служебных слов / А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова // *Сибирский филологический журнал*. – 2015. – № 2. – С. 134–141.
5. Семантика коннекторов: контрастивное исследование / под научной редакцией О.Ю. Иньковой. – М.: – ОРУС ПРЕСС, 2018. – 368 с.
6. Шнырик Е.А. Текстовые конструкции с полуслужебным словом В РЕЗУЛЬТАТЕ / Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сборник статей к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / [отв. ред. Е.А. Стародумова, А.А. Анисова, И.Н. Токарчук] / Е.А. Шнырик. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 172–182.

Материал поступил в редакцию 10.04.19

**SEMANTIC MODIFICATION OF TEXT STRUCTURES
WITH THE LINK OF “В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ”**

N.Yu. Pilyugina, Postgraduate at the Department of Russian Language and Literature
Far Eastern Federal University (Vladivostok), Russia

***Abstract.** The article deals with the semantic varieties of text structures, decorated with the link “в любом случае”. The features of the scope of the link, the specificity of the filling of the left and right context, the relationship between them are analyzed. On the basis of various types of interaction of situations of the left part the basic semantic modifications of the text construction designated by the link “в любом случае” are allocated. The semantics of structures is characterized by the participation of communicative-pragmatic factor: the link marks the modality of necessity and categorical statements. In addition, the analysis of typical contexts for the link “в любом случае” establishes the function of the meta-operator in the newspaper and scientific discourse.*

***Keywords:** text construction, text link, syntax, semantic modification, text function.*

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА В НАРОДНОМ ЭПОСЕ «ЕДИГЕ»

И.О. Халмуратов, соискатель

Республиканский институт переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров имени К. Убайдуллаева (Каракалпакстан), Узбекистан

Аннотация. В этой статье рассматриваются топонимы тюркского происхождения, которые встречаются в народном эпосе «Едиге».

Ключевые слова: этнонимы, топонимика, этнографические группы, микротопонимы, гидронимы, этнотопонимика.

Топонимия Средней Азии имеет многовековую историю. Значительная часть названий берет своё начало в глубокой древности и сохраняется до сих пор, претерпевая, однако, постепенное изменение. Здесь мы встречаемся с большим числом топонимических слоев и элементов: доиранским, иранским, арабским, монгольским, тюркским, славянским и др. Большую роль в изучении топонимии Средней Азии сыграл Э.М. Мурзаев, которому принадлежит ряд важнейших теоретических работ.

«Топонимика, – писал С.Б. Веселовский, – в историческом разрезе изучает происхождение географических терминов, выясняет местонахождение несуществующих селений, изменения и смену одних терминов другими. Таким образом, историческая топонимика является по существу очень важной частью исторической географии».

Смысловое значение географических терминов разнообразно. Среди них мы можем выделить несколько категорий.

Несмотря на то, что каракалпаки относятся к одному из малочисленных народов, золотой фонд его полнится целой галереей прекрасных дастанов (эпосов), которых насчитывается около 50-ти. Это достояние донесли до нас жырау разных времён в ста вариантах. Родоначальником жанра является дед Коркут, создавший неповторимый кобуз, напевы, которого радуют слух и наших современников. В этом ряду особо выделяется дастан «Едиге».

Являясь произведением устного народного творчества, «Едиге» встречается у многих тюркских народностей, населявших территорию Центральной Азии, Сибири, Волги, Днепра, Кавказа, Крыма. Схожий сюжет мы встречаем в творчестве и татарских, и башкирских, и узбекских, и каракалпакских, и казахских, и киргизских сказителей.

В основу дастана положены исторические события, связанные с моментом падения великой Золотой Орды, которая господствовала на территориях Дуная, побережьях Чёрного, Каспийского морей, Болгарии, Польши, Чехии, Венгрии, побережьях Средиземного моря, от Константинополя до Иртыша, от Дербента до Болгарии. Едиге – историческая личность, которая завоевала любовь народа, доблесть и отвага которой воспевались и передавались из уст в уста, об Едиге слагались легенды.

В истории Золотой Орды и Маверенахра дастан занимает своё достойное место, в центре которого личности Амира Темура, Едиге, Токтамыса.

В духовной культуре каракалпаков дастан «Едиге» имеет важное значение. Так как в нём нашли отражение глубокая философия народа, его чаяния и мечты, нравы и обычаи, в нём приводятся пословицы и поговорки сказания каракалпакского народа.

1. Хочется, привести ономастические наименования: **Едиге, Едил, Токтамыс, Амир Темура, Тукли Азиз, Бобо Тукли, Шашли Азиз, Агай, Тагай, Кенжебай, Хожаназар,**

Косназар, Алангасар, Байназар, Томан хужа, Тактаул, Межер, Инак, Каракаш, Карлыгаш, Нураддин, Ситамир, Тыранай, Аксак хан, Акбилек, Дусенбай, Муса и т.п.

2. Связанные с оронимами названия местностей в дастане «Едиге»:

Чингиз тау (гора), **Шылпык тау** (гора), **Бактергели, Аскар тау** (гора).

3. Связанные с гидронимами названия местностей в дастане «Едиге»: **Гаргали элак** (море), **Аштархан** (река), **Аштар ханы** (озеро), **Актобе** (река), **Какпаклы хожа** (озеро).

4. Связанные с ойконимами названия местностей в дастане «Едиге»: поселения ногайцев и связанные с ними названия, **Кумгенж** (город), **Дагестан** (город), **Аштархан** (город), **Девонабеги, Золотая Орда- Алтын Орда, Маверенахр** (край).

В словарном запасе языка собственные существительные играют значительную роль. Имена людей, фамилии, отчества, псевдонимы, географические названия, планеты и звёзды, клички животных – это собственные существительные. И это составляет ономастическое богатство языка. Ономастика – это греческое слово, в переводе обозначает «культура ставить имена» и изучает собственные имена существительные.

Таким образом, в казахских (ономастический тип) и узбекских (ономастический тип), каракалпакских (ономастический тип) именах много сходства, т.к. нас объединяют общая территория и общность происхождения, все мы тюркского происхождения.

По структуре большинство каракалпакских, узбекских, казахских и киргизских личных имен сложные. Самыми распространёнными являются двухкомпонентные, которые характерны как для мужчин, так и для женщин. Повторяющимися могут быть оба компонента, но чаще второй: **Каракаш, Девонабеги, Байназар, Каратийин, Акбилек, Гулжамол, Гулжахон** и т.д.

Природа Казахстана так ярко и полно отражена в географических названиях, что многие из них стали нарицательными, общегеографическими терминами: адыр, арык, джайлау, сай, шор, такыр и др., некоторые из этих терминов употребляются и в языках народов Средней Азии.

Поэтому по подсчётам Г.К. Конкашпаева, около половины топонимов тюркского происхождения образовано здесь при участии народных географических терминов, «из 15 тысяч тюркоязычных топонимов, подписанных на карте Казахстана (1: 500000), 7960 связаны с географическими терминами».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский, С.Б. Топонимика на службе истории: Б сб: Исторические записки, в 17 / С.Б. Веселовский. – М., 1945. – С. 34.
2. Едиге. Каракалпак халык дастаны. Нокис. – Издательство «Каракалпакстан», 1991.
3. Едиге. Каракалпак халык дастаны. Нокис. – Издательство «Каракалпакстан», 2001.
4. Жучкевич, В.А. Общая топонимика / В.А. Жучкевич. – Издательство «Вышэйшая школа». – Минск, 1968.
5. Конкашпаев, Г.К. Общие закономерности местной тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана / Г.К. Конкашпаев. – МГТ. – С. 26.
6. Кошгари, М. Девону луготу турк. «Диван тюркской лексики» / М. Кошгари. – Т., 1967. – С. 375–379.
7. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – Издательство «Мысль». – Москва, 1966.

Материал поступил в редакцию 01.03.19

THE FEATURES OF SOME TOPONYMS OF TURKIC LANGUAGE IN THE FOLK EPOS “*EDIGE*”

I.O. Khalmuratov, Applicant

Republican Institute of Retraining and Advanced Training
of Pedagogical Personnel named after K. Ubaydullayev (Karakalpakstan), Uzbekistan

***Abstract.** This article discusses the place names of Turkic origin, which are found in the folk epos “Edige”.*

***Keywords:** ethnonyms, place names, ethnic groups, microtoponyms, hydronyms, ethnotoponymy.*

УДК 811.133.1

**К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ИГРЫ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

А.В. Темнохуд, старший преподаватель кафедры романских языков
Белорусский государственный экономический университет (Минск), Республика Беларусь

***Аннотация.** Фигура речи игра слов рассматривается в статье как один из эффективных способов использования языковых средств с целью воздействия на адресата. Поскольку игра слов создаётся адресантом целенаправленно, она имеет в своей основе все типы прагматических отношений. Двуплановость смысла как результат использования многозначной ключевой единицы позволяет адресату по-разному воспринимать сообщение: либо как шутку, либо как серьёзный предмет для размышления.*

***Ключевые слова:** игра слов, двуплановость, адресант, адресат, косвенная номинация, прагматический смысл.*

Прагматика – целевое использование говорящим языковых средств для наиболее активного воздействия на адресата и одновременного эмоционального восприятия последним как дескриптивного, так и оценочного содержания высказываний, особенно при условии косвенного представления номинативного аспекта в речи.

Выделяют четыре основных типа отношений, через которые проявляется прагматическое содержание речи: отношение языковых знаков к их интерпретаторам; отношения между самими языковыми знаками в соответствии с закономерностями их семантико-синтаксической сочетаемости; отношения между адресантом и адресатом речи, связанные с их социальным положением и условиями коммуникации и обуславливающие использование языковых знаков для выражения иллокутивно-перлокутивной целеустановки; взаимодействие языковых знаков и их значений с пресуппозициями, имплицитными ситуацией общения.

Прагматическое изучение процессов коммуникации направлено как на поведение языковых знаков в соответствии с установившейся нормой, так и их субъективное употребление для выражения намерения говорящего, предполагаемого пресуппозициями последнего. Первый тип отношений проявляется через языковую компетенцию носителей языка, отражающую нормативное использование в речи языковых средств. Уровень лингвистической компетенции говорящего субъекта обуславливает одновременно нормативность и прагматическую значимость речи.

Следует отметить важность положения о том, что семантика языка отражает не сам реальный мир, а его концептуализацию. Поэтому с изменением суждения об одном и том же факте реальной действительности меняются и языковые средства его выражения. Объективно отражаемая мысль осуществляется в прямой номинации и дескрипции обозначаемой ситуации. Если же говорящий дает свою оценку этой же ситуации, возрастает степень вероятности появления косвенной номинации.

Одним из средств выражения оценочного суждения говорящим служит фигура речи

игра слов: наиболее часто она оказывается способом выражения иронической оценки, как положительной, так и отрицательной.

Так, к примеру, П. Данинос (*Pierre Daninos* 1913 – 2005), известный французский писатель, юморист, с иронией высказал своё мнение о парадоксальном «положении» в современном обществе человека «*почитаемого за*» и «*уважаемого*»:

Dans notre société de consommation et d'épargne un homme qui a de l'argent est un homme considéré. Un homme qui n'en a pas est également un homme considéré, mais lui, comme un pauvre type (P. Daninos) [1, с. 64].

‘В современном потребительском и «экономном» обществе человек, имеющий деньги, – человек почитаемый. Человек без гроша – тоже почитаемый, но как бедняк’.

Игра слов есть результат реализации разных частей речи формы *considéré* в постпозиции к существительному *un homme*: 1) прилагательного: *considéré – estimé, respecté* [3] ‘**почитаемый**’, ‘**уважаемый**’ и 2) причастия: *considéré (comme) – réputé pour* [там же] ‘**рассматриваемый (как)**’ ‘**почитаемый (за)**’.

Положительная оценка причастия *considéré* во втором высказывании (*mais lui, comme un pauvre type*) передает злую иронию: ‘Человек без денег тоже почитаемый, но – как бедняк’.

Характеризуя богача и бедняка, производитель текста использует одну и ту же лексическую единицу с разным прагматическим смыслом: адресат может по-разному воспринимать сообщение – либо как шутку, либо как серьёзный предмет для размышления.

А. Ривароли (*Antoine Rivaroli, comte de Rivarol* 1753 – 1801), французский писатель итальянского происхождения, публицист, журналист, автор эпиграмм и памфлетов, был знаменитым острословом своего времени:

Antoine Rivaroli à l'un de ses correspondants attirés qui lui disait en le quittant: «Je vous écrirai demain sans faute», répondit avec simplicité: «Ne prenez pas cette peine, écrivez-moi comme à votre ordinaire!» [2, с. 152].

‘Антуан Ривароли одному из своих корреспондентов по переписке, который пообещал при расставании: «Я вам напишу завтра непременно», ответил простодушно: «Не утруждайте себя так, пишите мне как обычно!»’.

Именно такой иронический ответ писателя требует вернуться к словам корреспондента: *Je vous écrirai demain sans faute*, где адвербиальное выражение *sans faute* означает – *à coup sûr* [3] ‘**непременно**’.

А. Ривароли же, будучи благодушно настроенным, решил подшутить с «усердным» корреспондентом, используя прямое значение существительного *les fautes* ‘**ошибки**’ в *sans fautes* ‘**без ошибок**’.

Результатом становится возможность двойной интерпретации обещания корреспондента: 1) ‘Я непременно напишу вам завтра’ и 2) ‘Я напишу вам завтра без ошибок’.

Такая двуплановость допускает и двойной смысл реакции А. Ривароли:

1) его вежливое пожелание – ‘Не утруждайте себя, пишите мне как обычно (когда вам будет удобно)’ и 2) ‘Не беспокойтесь, пишите мне как обычно (с ошибками)’.

Предложенная трактовка шуток вполне очевидно раскрывает их двуплановость, чему и способствует анализ семантики ключевых слов.

Игра слов имеет в своей основе все выше названные типы прагматических отношений, поскольку эта фигура речи создаётся целенаправленно говорящим субъектом. Последний предусматривает все необходимые условия: семантический потенциал используемых лексических единиц, отношение к адресату и намеренность воздействия на него. Все это неизбежно требует знания пресуппозиций, позволяющих адресату декодировать имплицитность (подтекст) высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Daninos, P. Les carnets du major W. Marmaduke Thompson / P. Daninos: Découverte de la France et des Français. – Paris.: Hachette, 1954. – 242 p.
2. Gagnière, C. Pour tout l’or des mots: Au bonheur des mots / C. Gagnière. – Paris: Edition Robert Laffont, S.A., 1997. – 1066 p.
3. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.

Материал поступил в редакцию 29.04.19

TO THE QUESTION OF THE PRAGMATIC ORIENTATION OF THE WORD-PLAY (ON THE MATERIAL OF FRENCH LANGUAGE)

A.V. Temnokhud, Senior Lecturer at the Department of Romance Languages
Belarus State Economic University (Minsk), Belarus

***Abstract.** The figure of speech wordplay is considered in the article as one of the effective ways of using language means to influence the addressee. Since wordplay is created by the addressee purposefully, it is based on all types of pragmatic relationships. The ambiguity of meaning as a result of the use of a multivalued key unit allows the addressee to perceive the message differently: either as a joke or as a serious subject for reflection.*

***Keywords:** wordplay, ambiguity, sender, recipient, indirect nomination, pragmatic sense.*

УДК 811.133.1 + 81'38

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛЛЮЗИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФРАНЦУЗСКИХ ТОК-ШОУ

Л.А. Федоренко, магистр филологических наук, преподаватель
Белорусский государственный экономический университет (Минск), Беларусь

***Аннотация.** В статье рассматривается использование аллюзии как одного из способов репрезентации прецедентных феноменов в дискурсе социально-политических французских ток-шоу. Определено, что источником аллюзий являются ссылки на текущие события, что затрудняет их понимание представителями других культур. Употребление аллюзий в дискурсе ток-шоу сопряжено с экономией языковых средств в условиях прямого эфира. Определяются основные функции употребления аллюзий: номинативная, воздействующая и юридическая.*

***Ключевые слова:** интертекстуальность, прецедентность, прецедентные феномены, аллюзия, функция аллюзий, дискурс ток-шоу.*

Ток-шоу относится к институциональному виду дискурсу, особенностями которого являются разговорность, использование элементов интертекстуальности (полифонии, диалогичности) и прецедентных феноменов [2, 10, 11, 14]. Прецедентные феномены являются «основным ядерным элементом когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений все говорящих на данном языке» [8, с. 82]. В дискурсе ток-шоу они представлены прецедентными текстами и прецедентными ситуациями (событиями), вводимыми в «принимающий» текст посредством прецедентных единиц в виде прецедентных имен, названий, высказываний, дат и аллюзий.

Аллюзия представляет собой один из вербальных способов репрезентации прецедентных феноменов в новом тексте. В настоящее время исследование аллюзии ограничивается изучением некоторых ее аспектов в рамках когнитивной лингвистики. В частности, исследуются интертекстуальные связи аллюзии на материале англо-ирландской драмы первой половины XX века [3], лингвокогнитивные аспекты аллюзивных заголовков в публицистических текстах [7], лингвокогнитивная и интертекстуальная сущность аллюзии в английском языке [4]. В рамках функциональной лингвистики аллюзия рассматривается в работах Г.Г. Слышкина и Н. Пьеге-Гро.

Аллюзия является наиболее трудноопределимым видом прецедентных единиц (ПЕ). Согласно традиционному определению, «аллюзия (от лат. *allusion* – намек, острота) – это стилистическая фигура, заключающаяся в использовании намёка на реальные общеизвестные факты, события» [9, с. 35]. Аллюзия, как и любой другой вид ПЕ, не сопровождается ссылкой на источник и зависит от наличия фоновых знаний, которые имеются у носителей определённого языка и рождают у них определённые ассоциации в связи с аллюзией [1, с. 111; 5, с. 25]. Впрочем, приём аллюзии может отсылать не только к общественным фактам и событиям, но и к литературным произведениям, к истории, мифологии, общественному мнению, к общепринятым обычаям [12, с. 91].

Механизм создания аллюзии (в отличие от прецедентных имен, названий и высказываний) заключается в соотношении на содержательном уровне двух предметных ситуаций, одна из которых находится в поверхностной структуре текста, а другая в сознании адресата. При этом отсылка к источнику происходит за счет воспроизведения незначительной части источника (текста или ситуации), которая, тем не менее, позволяет адресату уловить ассоциативные связи. Как,

например, *marcher sur l'eau* 'ходить по воде' отсылает к библейскому сюжету «Хождение Иисуса по водам».

Во французских ток-шоу аллюзия составляет 17,5 % от всех используемых ПЕ, что отвечает специфике жанра, в котором: 1) отражаются процессы, происходящие в обществе, социальные проблемы, 2) чередуются экспрессия и стандарт (В.Г. Костомаров).

Аллюзии, представленные в ток-шоу, относятся к следующим сферам-источникам: аллюзии на текущие события (27 %), аллюзии на социальные проблемы (23 %), аллюзии на телевизионные передачи (18 %), аллюзии на религиозные сюжеты (15 %), аллюзии на исторические события (9 %), аллюзии на известных персонажей (6 %), на литературные произведения (2 %). Ограниченные рамками статьи, мы рассмотрим один из наиболее распространенных в дискурсе ток-шоу вид аллюзий: на текущие события. Такого рода аллюзии свидетельствуют о «принадлежности к данной эпохе и ее культуре» [6, с. 216]

Текущие события, являющиеся предметом аллюзий, представлены, в основном, политическими событиями, такими как выборы, политические скандалы, события из жизни общественно-политических деятелей. Срок жизни таких аллюзий весьма ограничен. В большинстве случаев аллюзии на текущие события носят национальный характер, но также имеются аллюзии и на широко освещаемые международные события. И те, и другие используются преимущественно для экономии языковых средств. Например, в ток-шоу *On n'est pas couché* один из приглашенных говорит о плохо организованной предвыборной кампании М. Ле Пен, о том, что в ее кампании нет лидирующей темы, которая отличала бы ее от других кандидатов. В ответ журналистка О. Пульвар отвечает: *Oui, mais là, il y a des costumes de François Fillon et le revenu universel d'existence* 'Да, но есть костюмы Франсуа Фийона и безусловный базовый доход'. Речь идет о скандалах, связанных с разоблачением стоимости костюмов Ф. Фийона, и с «безусловным базовым доходом» (пособием, выплачиваемым всем неработающим) Бенуа Амона. Обе темы стали самыми обсуждаемыми в ходе предвыборной кампании этих кандидатов, оттеснив на задний план основные составляющие их предвыборных платформ, и нанесли Ф. Фийону и Б. Амону непоправимые рейтинговые удары. Напоминая об этом, О. Пульвар подразумевает, что лучше не иметь лидирующей темы вообще, чем иметь темы, связанные со скандалами и вызывающие возмущение избирателей.

Апелляция к аллюзиям даёт возможность говорящему кратко изложить видение той или иной ситуации, выделив в ней ключевые моменты. Такое употребление аллюзий сопряжено не только с их номинативной, но и с воздействующей функцией. Так, упоминание ситуации, связанной с костюмами, и «безусловного базового дохода» как поощрения тунеядства направлено на то, чтобы оживить в воспоминаниях зрителей недовольство и возмущение, вызванные в своё время этими событиями.

Во французских социально-политических ток-шоу, которым присуща развлекательность, аллюзии на текущие события носят людический характер, реализуемый посредством игры слов. Как справедливо замечает А.В. Темнохуд: «Говорящий, испытывая потребность в творческом самовыражении и/или стремясь привлечь внимание к своему высказыванию, намеренно нарушает привычное воспроизведение знака, используя языковые средства нестандартным образом, что и порождает эффект игры слов» [13, с. 93]. При этом отличительной чертой такого рода аллюзий оказывается их юмористический (саркастический) оттенок, который позволяет говорящему, как правило, ведущему, дать отрицательную оценку тому или иному политическому деятелю или событию. Использование комического при обсуждении текущих политических событий отражает особенности французского менталитета, для которого характерно критическое отношение к политикам, десакрализация власти, ниспровержение авторитетов. Так, говоря о Э. Макроне, телеведущий Л. Рюкье замечает: *On lui reproche d'être l'héritier de François Hollande. Il y a une sacrée différence entre les deux hommes, parce que sa maîtresse, il l'a épousée*. 'Его упрекают в том, что он наследник Франсуа Олланда. Но между двумя деятелями есть существенная разница, т.к. он (Макрон) женился на своей учительнице'. Аллюзия основана на игре слов: *maîtresse* имеет два значения: 'учительница'

и 'любовница'. Ф. Олланд не женился на Валери Триервейлер, являвшейся его «дамой сердца». Аллюзия Л. Рюкье на нетривиальные отношения президентов с женщинами не затрагивает принципиальных сторон политики Э. Макрона, она используется ведущим для поддержания его имиджа остролова, свободного от давления власти, и одновременно направлена на придание передаче развлекательности.

Аллюзия, построенная на игре слов, служит также для смягчения резко негативных суждений, поскольку воспринимается как шутка. Так, например, Л. Рюкье, комментируя результаты выборов в США, говорит: *Les Américains ont préféré le mec débile à la femme de Bill. Aucun sondage ne l'a vu venir* 'Американцы предпочли дурака жене Билла. Ни один опрос общественного мнения этого не предсказывал'. Игра слов строится на фонетической близости слов *débile* и *de Bill*. Речь идёт о намёке на победу Дональда Трампа над Хилари Клинтон (женой Билла Клинтона). Используя игру слов, автор смягчает резкость высказываемой оценки Трампа, сохранив ее суть.

Аллюзии на национальные события сложны для распознавания представителями других культур в силу их ярко национального характера. Например, комментируя уход Ф. Филиппо из Национального фронта (НФ), сатирик Визо говорит: *Florian Filippot, l'ex FN, a dîné de la charcuterie et du vin rouge. Finis les couscous* 'Флориан Филиппо, бывший заместитель руководителя НФ, отужинал колбасными изделиями и красным вином. С кускусом покончено'. Это аллюзия на фотографию, на которой Ф. Филиппо был запечатлен в процессе поедания национального арабского блюда – кускус. Согласно слухам, эта фотография якобы ускорила его уход из НФ. После того как Ф. Филиппо покинул пост заместителя руководителя НФ, он основал свою партию «Патриоты», на что и указывает аллюзия на колбасные изделия и вино. Аллюзия функционирует как образ. Так, *колбасные изделия* и *вино* представляют собой традиционный образ французской кухни, являющейся одной из составляющих французского самосознания. *Кускус* – образ арабской кухни, который стоил Ф. Филиппо его репутации внутри партии. Его объявили "иностранном агентом", обвинив чуть ли не в предательстве родине. Использование образа оживляет в сознании адресата соответствующие предметные ситуации, позволяя говорящему не только сэкономить время, но и оживить свой текст при помощи ярких образов для выражения стандартных реалий.

Таким образом, употребление аллюзий на текущие события в дискурсе ток-шоу является зеркалом социально-общественных процессов. Основной функцией такого рода аллюзий является номинативная, что сопряжено с экономией языковых средств в прямом эфире, и воздействующая, выраженная ассоциативными связями. Аллюзия на текущие события связана одновременно и с юридической функцией, с желанием разрядить обстановку, с нестандартностью выражения, с избеганием прямой номинации в целях корректности выражения. Декодирования аллюзий для извлечения дополнительного смысла требует хороших фоновых знаний адресата, что приравнивает аллюзию к своеобразному коду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. КомКнига, 2006. – 144 с.
2. Добросклонская, Г.Г. Вопросы изучения медиатекстов / Г.Г. Добросклонская. – М.: URSS: Красанд, 2010. – 286 с.
3. Дронова, Е.М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности (на материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.М. Дронова. – Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 23 с.
4. Досбаева, А.А. Лингвокогнитивная и интертекстуальная сущность аллюзии в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / А.А. Дусабеева. – Самаркандский гос. институт ин. яз. – Самарканд, 2009. – 27 с.
5. Караулов, Ю.Н. Русский язык: энциклопедия / Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997. – 703 с.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: 2010. – 264 с.

7. Киосе, М.И. Лингвокогнитивные аспекты аллюзий: на материале заголовков английских и русских журнальных статей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10:02:20 / М.И. Киосе. – Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2002. – 22 с.
8. Красных, В.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева и др. // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст./ редкол.: В.В. Красных [и др.]. – М., 1997. – С. 82–103.
9. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
10. Лаптева, О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О.А. Лаптева, М.: УРСС, 2003. – 520 с.
11. Ларина, Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса: автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Е.Г. Ларина. – Волгоград. гос. ун. – Волгоград, 2004. – 22 с.
12. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
13. Темнохуд, А.В. Нарушение системных правил как основополагающее условие игровой речевой деятельности / А.В. Темнохуд // Грамматические категории в контрастивном аспекте: материалы Междунар. науч. конф. Моск. гор. пед. ун-т. Ин-т ин. языков, Москва, 11 – 14 мая 2016 г. / Ин-т ин. языков, Москва; редкол.: А. В. Аверина (отв. ред) [и др.]. – Москва, 2016. – С. 92–95.
14. Amey, P. La Parole à la télévision / P. Amey. – Paris: Harmattan, 2009. – 236 с.

Материал поступил в редакцию 18.04.19

THE USE OF ALLUSION IN THE SOCIO-POLITICAL FRENCH TALK SHOW

L.A. Fedorenko, Master of Philological Sciences, Lecturer
Belarus State Economic University (Minsk), Belarus

***Abstract.** The article considers the use of allusion as one of the ways to represent precedent phenomena in the discourse of socio-political French talk shows. It is determined that the source of allusions are references to current events, which complicates their understanding by representatives of other cultures. The use of allusions in the discourse of talk shows is associated with the economy of language means in the conditions of live broadcast. The main functions of the use of allusions are defined: nominative, influencing and human.*

***Keywords:** intertextuality, precedent, precedent phenomena, allusion, function of allusions, talk show discourse.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 3 (21), май / 2019

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 20.05.2019 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 46. Свободная цена. Тираж 100.